

КОЛДУН ГЕНЕЗИС

КИРИЛЛ
КЛЕВАНСКИЙ

Колдун

Кирилл Клеванский

Колдун. Генезис

«ИДДК»

2013

Клеванский К. С.

Колдун. Генезис / К. С. Клеванский — «ИДДК»,
2013 — (Колдун)

ISBN 978-5-9922-1480-2

«Генезис» – фантастический роман Кирилла Клеванского, вторая книга цикла «Колдун», боевое фэнтези, попаданцы. Война все еще пылает пожарами где-то на западе, но Тима это больше не волнует. С присущей ему самоотдачей он погружается в новую для себя атмосферу. Атмосферу магии, волшебства, светских увеселений, плетущихся интриг и ярких приключений. Одна мечта бывшего наемника сбылась – он овладел таинством колдовства. Осталось только решить: что же дальше?

ISBN 978-5-9922-1480-2

© Клеванский К. С., 2013

© ИДДК, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1. И снова студент	7
Глава 2. Новые старые встречи	16
Глава 3. Стыдно не работать	24
Глава 4. «Нет времени на время»	32
Глава 5. Ничто не забыто	40
Глава 6. Непонятная	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кирилл Клеванский

Колдун. Книга 2. Генезис

© Клеванский Кирилл

© ИДДК

* * *

Пролог

Все меняется, то сливаясь воедино, то разделяясь на тысячи частиц. Жизнь как река с бесчисленным количеством притоков, как раскидистый дуб с мириадами ветвей. По какой дороге ты пойдешь? Какая-то приведет тебя к богатству, другая – к славе; сделав один выбор, ты станешь пиратом, сделаешь иной – гвардейцем. А может быть, ты выберешь стезю бродяги, шута или даже короля. Все это неважно, потому что одновременно с одним ты являешься многим. Закручиваясь в бесконечном водовороте жизни, ты пребываешь в плену иллюзий – тебе кажется, что ты один, но на самом деле тебя бесчисленное множество, и каждый из множества живет своей жизнью, своими мечтами и чаяниями, но так или иначе...

– Господин ректор, – распахнулась дверь кабинета, и в помещение ввалился пухлый, даже толстый маг.

– Я вас слушаю. – Старый Симусиан был очень огорчен тем, что его так нагло оторвали от размешивания какао, а ведь он только-только начал постигать суть водоворота.

– Беда, милорд, беда. – Пухлый волшебник, покраснев как рак, плюхнулся на кресло и стал обмахивать лицо папкой бумаг. – В этом году шестеро.

– Да-а, – протянул ректор и отвернулся к окну. – Шесть, таинственное и пугающее число для одних и тягостное воспоминание для других.

– Милорд, я не о том...

– О том или ином, неважно о чем, но сути мы не найдем.

– Милорд! – Толстяк вскочил и чуть пошатнулся на коротких ножках. – У нас шесть чертильщиков в этом году! Нужно укрепить полигоны, обновить барьеры в южных корпусах и заняться их распределением!

– Чертильщики. Рисуя линии, они вершат судьбы. Вы не находите забавным, что сумасшедшие стоят у штурвала шлюпки под названием Ангадор?

Пухлый взглянул на седовласого старика, покачал головой и умчался куда-то по своим делам.

– Молодые спешат, – казалось, что старого мага не заботит, есть ли у него собеседник или нет, – а куда спешат? Куда мы все стремимся и откуда мы пришли? Ребенок, появившийся на свет из утробы матери, не задает праздных вопросов. Он ест, спит и иногда плачет, о да, плачет, протяжно и заливисто, будто оплакивая свое прошлое и будущее. Скоро он, как и все, куда-то побежит, торопясь успеть на уходящий дилижанс, но дилижансу все равно, он просто едет и едет. Умрут предки, забудутся потомки, однако дилижанс все едет и едет, а разумные все так же пытаются запрыгнуть на его подножки. Но не все, не все хотят катиться по известному маршруту, есть и те, кто вышагивает в полном одиночестве. Сумасшедшие и гении, демоны и боги, короли и шуты, предатели и герои, все они старательно обходят этот дилижанс. Быть может, они знают, куда он нас приведет, а может, им не хватает смелости забраться в него?

Ректор Симусиан отвернулся от окна и вернулся к помешиванию какао.

– Жизнь как бесконечный водоворот...

Глава 1. И снова студент

Уже битый час я блуждал по этим лабиринтам в поисках общежития. И ладно бы хоть какой-нибудь абориген указал четкое направление, так ведь нет: «Сверни у третьего фонтана налево, у памятника Заку Вечному направо, потом прямо и со вторым поворотом налево». Я не дурак, но запутался только так, в итоге брожу фиг его знает где, а вокруг какие-то здания с цифрами. Скорее всего – учебные корпуса. Архитектура простенькая, обычные широкие дома на два, максимум три этажа. Разве что улицы очень чистые, будто их каждое утро вылизывают, а на ночь пленкой укрывают.

– Демоны! – выругался я, когда в очередной раз забрел в тупик.

Проклинаю всех, кого только можно, я вернулся обратно, уселся на скамейку, благо они здесь были через каждые пять метров, и уставился на самое крупное здание. Четыре этажа и два подъезда, немудрено догадаться, что это главное здание. Бесцельно водя взглядом по окнам, я споткнулся на одном лице. Человек, смотревший прямо на меня, был безумно стар, его кожа покрылась коричневыми пятнами, лоб изрезан морщинистыми складками, а глаза обрамлены фиолетовыми кругами. И тут мы встретились взглядами. Меня пробрала крупная дрожь. Этот человек чем-то напоминал того деда в приемной комиссии, но если у того были ясные глаза, то здесь на меня смотрели две бездны. Меня все затягивало и затягивало в эти черные бездонные колодцы, пропала реальность, исчезло время, да и я сам практически перестал существовать. Я понял, что еще пара секунд – и произойдет нечто ужасное, нечто, перед чем даже смерть меркнет. Во мне вспыхнула какая-то первобытная ярость, я стал биться с этой бездной, как некогда бился с сознанием Ройса. Я рвался к удаляющимся границам, цеплялся за свое существование, но вскоре все исчезло. Вернее, я осознал себя сидящим на скамейке. Старика в окне уже и не было.

Со лба падали капли пота, руки тряслись, как у алкоголика с сорокалетним стажем, а сердце билось через раз. Отдышавшись, я вскочил на ноги и рванул куда глаза глядят. Минувя перекрестки, оставляя за спиной повороты, я думал только о том, как вырваться из столицы, покинуть империю, забиться в самый дальний угол и залечь на ближайшие двадцать лет. Потом в голове что-то заклинило, я остановился и стал анализировать. Я, конечно, не храбрец, но такое всепоглощающее чувство страха не испытывал никогда, даже ужас перед неотвратимостью падающей лавины меркнет по сравнению с этим.

Хлопнув себя по лбу, я сплюнул на мостовую и, закинув мешок за плечо, отправился в сторону длинного четырехэтажного здания. Уж не знаю, чего там колданул этот старик, но я прибежал напрямик к студенческой общаге. Получается, он либо проник в мои мысли и эта бездна стала туннелем, соединяющим два сознания, либо это была проверка на вшивость, крещение, так сказать. Пожалуй, не стоит забывать, что теперь я вновь стою в самом низу пищевой цепочки, а то привык, что клинки и ловкость всегда выручат, ан нет, добро пожаловать в маги, теперь ты никто и звать тебя никак.

Толкнув дверь, я зашел в приемную и тут же наткнулся на великана или великаншу, да, скорее всего, великаншу.

– Да что ж это такое?! – загромыхало где-то под потолком. – Год начаться не успел, а уже лезут всякие!

Здание я покинул так быстро, насколько позволяли ноги. Не очень хотелось огрести от такой мадам. А старик-то с чувством юмора, привел меня к женской общаге, а мужская вон, напротив стоит. Вдохнув, я пересек аллею и очутился перед братом-близнецом предыдущего здания. Те же четыре этажа, тот же бледно-серый цвет. Открыв дверь, я обнаружил перед собой... нет, не копию того терминатора в юбке, наоборот, меня привечала диаметрально

противоположность. За овальным столиком сидел скрюченный старичок, его нос разве что спиралью не завивался, а редкие волосы были похожи на горный лишайник.

– Новобранец? – проскрипел он.

Смекнув, что к чему, и догадавшись, почему у него при такой внешности не дрожат руки, я вытянулся по струнке и щелкнул каблуками.

– Лэр! Так точно, лэр! – гаркнул я.

Заведующий склонил голову набок и долгое время сверлил меня взглядом. Решив что-то для себя, он покопался в столе и протянул мне ключ с деревянной дощечкой на шнурке. На своеобразной бирке красовался номер «407». Бывший вояка отдал мне ключ и протянул пергаментный лист, на этом наше знакомство закончилось. Подняв с пола заплечный мешок, я зашагал в сторону лестницы.

Поднимаясь по каменным ступеням, я старался выделить что-нибудь особенное в архитектуре общежития. Но увы, видимо, муниципальные здания всех миров имеют схожую планировку – сквозная лестница разделялась пролетами, и на каждом втором была небольшая площадка с дверью, ведущей на этаж. Миновав семь пролетов, я оказался в длинном коридоре. Высокий потолок, кирпичные стены, и если бы не отсутствие ковра на полу, я бы решил, что оказался в одной из Питерских общаг, правда, бывал я там всего пару раз, но не суть.

Всего комнат на этаже было около пятидесяти, и мне не посчастливилось поселиться практически рядом с выходом.

Провернув ключ в замке, я оказался в довольно просторной комнате. То неудивительно – здесь же в большинстве своем дворяне и аристократы учатся. Всего в помещении было две добротных кровати из резного дерева, два платяных шкафа, две полки для книг и два стола по противоположным углам. Недолго думая, я зашвырнул мешок в шкаф, туда же полетел и изрядно подранный плащ. Шляпа нашла свое пристанище на полке, расставаться я с ней не хотел, уж больно дорого она мне обошлась. Дабы приобрести такую вещичку, мне пришлось переписать одного из вестников, а сделать это немногим проще, чем переписать того же гнома. Скинув сапоги и куртку, я плюхнулся на кровать, благо она уже была застелена, и развернул расписание.

В общем, господа составители особо с ним и не парились. Каждый день одни и те же предметы в одно и то же время. Единственное – если простолюдины делят сезон на декаду, то здесь я встретил привычные седмицы, правда, с очень заумными наименованиями. Вместо понедельника – звездник, вторник – земляник и так далее. Короче, буду оперировать родными названиями. Итак, понедельник, как известно, день тяжелый, а учитывая, что пары здесь длятся ровно два часа, так вообще кошмарный. С десяти до двенадцати у меня теория искусства, потом двадцатиминутный перерыв и специальный курс сдвоенной парой. Заканчивает учебный день теория maleficiзма. Судя по всему, первое и третье – это общие предметы для всего потока, но к чему последний предмет, я, откровенно говоря, не очень понимаю. Есть мнение, что он должен быть специальным для магов-аурников, но не будем спорить со здешними мэтрами.

Отложив расписание, я закинул руки за голову и уставился в бледно-бежевый потолок. А чего я, собственно, ожидал? Нет, понятное дело, хотелось сразу и всего, но раз обучение рассчитано на пять лет, то неудивительно, что новичкам преподают лишь основы. Впрочем, остается надеяться, что все изменится, когда на втором семестре будущие маги выберут специализацию, может, тогда и будет поинтереснее. Зевнув, я улегся на бок и прикрыл глаза.

Проснувшись от звона колокола, я обнаружил, что в комнате прибавилось вещей. Открытый шкаф был битком забит какими-то костюмами и камзолами и добрым десятком дорогих сапог. Книжная полка тоже не пустовала, на ней теперь красовались рукописи с винтажными обложками. Стол завален бумагами, и на его углу стоит чернильница с пером. Но самого главного я не обнаружил – сосед так и не появился.

Поднявшись с кровати, я нацепил ботфорты и засунул за пояс кинжал. По правилам в академии нельзя носить оружие, но без стали под боком я чувствую себя как без одежды. Чуть размявшись, я открыл дверь и уставился на рыжее недоразумение. Парень был на голову ниже меня, но шире в плечах. А на красном лице красовалась безумная улыбка.

– Чего хотел? – спросил я.

– В комнату пройти.

Окинув взглядом одежду рыжего, я понял, что все же встретился с соседом. Одни его сапоги стоили больше, чем все мое барахло, это если не учитывать сабли, конечно.

– Ну проходи, – ответил я и отошел в сторону.

Сожитель ворвался в комнату подобно вихрю. Он выудил из шкафа серую кожаную сумку на ремне и стал швырять в нее листы пергамента и книги, затем, резко остановившись, аккуратно убрал чернильницу в специальный кармашек.

– Чего не собираешься? – удивился рыжий.

– Да как-то не во что, – пожал я плечами.

Тут парень хлопнул себя по лбу и пробормотал довольно грязное ругательство. А что, глядишь – поладим.

– Забыл, демоны мне в зубы, как есть забыл. Вчера вечером, пока ты дрых, привратники приходили, принесли книги и остальное. Ты в своем шкафу посмотри.

Кивнув, я открыл дверцу с замысловатой резьбой и действительно обнаружил рядом с пыльным мешком точно такую же сумку, стопку книг и пачку бумаги.

– Сервис, однако, – протянул я и собрал учебные принадлежности.

– Слушай, – донеслось из-за спины. – Надо бы познакомиться, а то вместе жить как-никак.

– Ройс. Тим Ройс, – представился я.

– Дирг ним Гийом, – сказал парень и протянул мне руку.

Я слегка удивился, но на жест ответил.

– Тим, давай без этого, – скривился Дирг.

– Без чего?

– Ну, без вот такого. – Тут рыжий картинно изогнул левую бровь и выпучил глаза. – Ты маг, я маг, и кому-какое дело до этих приставок.

Нет, точно поладим, сразу видно – свой человек.

– Да без проблем, – улыбнулся я. – Ладно, давай, что ли, в столовую заглянем?

Дирг ехидно усмехнулся и ответил:

– А я уже там был. Извини, конечно, но ты так крепко спал, что ни я, ни первый колокол тебя не добились.

– Занг дур'нааг!

– Ого, – присвистнул Гийом. – И как переводится?

– Примерно то же самое, что ты с минуту назад сказал, – отмахнулся я.

– О как. Буду знать. – Дирг отошел к столу, выдвинул ящичек и кинул мне яблоко. – Не благодари.

– И не буду, – ответил я, вгрызаясь в сочную мякоть. – Мог бы разбудить.

– Ха, – усмехнулся рыжий. – Тебя разбудишь... Я когда собирался на тебя стакан холодной воды вылить, так ты меня за руку схватил и кинжал к горлу приставил. И что-то неразборчивое пробормотал. «Руст, не доводи до греха», кажется, так.

– М-да, – протянул я и выкинул в открытое окно огрызок.

– Во-во, – покивал Дирг. – Демоны, мы же опоздаем!

Спохватившись, мы выбежали в коридор, ураганом пролетели по лестнице и чуть не вышибли входную дверь. Когда в ноздри ударил поток свежего воздуха, я краем уха уловил какие-то стоны за спиной, но не придал им особого значения.

- И куда дальше? – спросил я.
- Третий корпус, через аллею направо, – ответил Дирг и подмигнул мне. – На серебруху?
- На нее, – кивнул я и, сняв сумку с плеча, принял стойку для низкого старта. – Один. Два.
- Три! – гаркнул Дирг, срываясь с места.
- Жучара! – крикнул я и побежал следом.

Во время нашего забега мы успели напугать стайку девушек, перевернуть две клумбы и вытоптать целую тропинку на газоне, но в аудиторию все равно пришли последними. Третий корпус оказался одноэтажным круглым зданием. Отворив дверь, мы оказались в крупном амфитеатре, битком забитом студиязусами. Не сговариваясь, мы по стеночке прошмыгнули на галерку и, достав пергамент с учебниками, затаились.

– И как я уже сказал, без основ никуда, – прогундосил пожилой поджарый маг с бронзовой цепью на широкой шее. Взяв в руки перо и обмакнув его в чернильницу, я прикусил язык и стал усердно выводить буквы, все же с письмом у меня не очень хорошо – опыта мало. – На наших лекциях мы рассмотрим саму суть магических искусств. Начнем, пожалуй, с деления волшебников на пути и...

Дальше я уже не слушал, эту лекцию мне читала Нейла. Отложив перо, я закрыл глаза и, улыбнувшись, погрузился в сладостную дрему. Действительно, все как в родном универе.

Дирг растолкал меня, когда в аудитории уже не осталось никого, кроме нас двоих, и, судя по его заспанным глазам, он продержался немногим дольше, чем я.

- Ты куда сейчас? – спросил он, потягиваясь и хрустя суставами.

Я заглянул в расписание и нашел небольшую приписку к предмету.

- Седьмой корпус, двенадцатая аудитория.

– А у меня девятнадцатый. Ладно, давай тогда у столовой в обед? Мне надо кое с кем встретиться, да и тебя заодно представлю.

- Договорились, – кивнул я и, собрав вещи, покинул здание.

На улице стояла прекрасная погода, дул легкий северо-восточный ветер. Шелестела листва на деревьях, а по узким аллеям и улочкам сновали студиязусы. Благо никакой формы не было, а индивидуальные значки получали только после первого семестра. Закинув сумку через плечо, я засунул руки в карманы и не торопясь зашагал в сторону нужного корпуса. Как оказалась, в сумке лежала карта, и одного взгляда на нее мне хватило, чтобы запомнить расположение ключевых зданий.

Если честно – сердце непрестанно сжималось. Как-то я поотвык от такой обстановки. И теперь среди толп учащихся и каменных гигантов чувствую себя неуверенно. С одной стороны, страсть как хочется выучиться на мага, пусть и не самого сильного, а с другой... Где, спрашивается, бескрайние просторы нимийских лесов или гребни гор, терзающих небо? Нет рек, озер, полей. Короче, я заразился дорогой и скоро начнется ломка. Что ж, я вижу лишь один выход, вернее несколько, но они столь тесно переплетены, что трудно отделить одно от другого. На протяжении долгих семи лет я был оторван от благ цивилизации. Ни нормального алкоголя, ни ветреных девушек, ни приключений на одно место. Хотя последнего имелось предостаточно, но зачастую такие переделки были связаны с довольно-таки серьезным риском для жизни.

Свернув на перекрестке, я таки добрал до цели. Небольшое квадратное двухэтажное здание. Штукатурка давно сбита, по стенам крупные трещины, и если меня не подводят глаза, то половина окон разбита, а рамы подернуты сажей. Надсадно скрипнула дверь, и я оказался внутри. Легкие наполнил затхлый запах, присущий старым библиотекам, где вместо передвижных стеллажей гнилые полки. Поднявшись по разваливающейся лестнице, я отыскал нужную табличку, висевшую на ржавом гвозде, и зашел внутрь.

За обычными партами сидело пятеро. И вот что я скажу: проучившись добрых четыре года на филолога, я видел все разновидности ботанов. От ботана-ортодокса, когда человек носит носки с сандалиями, а на заправленной в штаны рубашке всегда присутствует черниль-

ное или какое другое пятно. Видел и ботанов-тусовщиков, эдаких умников, прожигающих свою жизнь. В принципе, сам себя я относил к отдельной категории – студент нормальный, ну, насколько это возможно на данной специальности. Но вот эти перцы – просто что-то с чем-то.

Все, как один, в непонятных драных балахонах, с сальными волосами и окулярами толщиной с линзу «Хаббла».

Бочком-бочком, дабы не потревожить данных субъектов, я пробрался на свободное место у окна и затаился. Перед моими одnogруппниками лежали потертые книги, и все они что-то лихорадочно записывали, читали и вдумчиво вглядывались в неясные мне пиктограммы. Наконец через пять минут, когда я уже готов был покинуть здание шагом в окно, в аудиторию забрел препод. Да, именно забрел, как будто походя, от нечего делать, так сказать. Одет он был немногим лучше своих подопечных: серая роба и бронзовая цепь.

На миг студиозусы замерли, рассматривая мага, а потом вновь погрузились в свои, бесспорно, неотложные дела.

– У кого уже открыт источник? – лениво протянул волшебник.

В воздух взметнулось шесть рук, самое удивительное, что пятерка очкариков продолжала скрипеть перьями.

– Хорошо. Тогда первая глава и первые два задания. Соберу, оценю. – Маг, позвякивая цепью, развернулся и убрел в неведомые дали.

Я сидел с широко открытым ртом. Впрочем, в подобном состоянии я пробыл сравнительно недолго, ровно до того момента, как мне не стало стыдно. Одnogруппники, оказывается, уже давно сидели за учебниками и выполняли то самое задание, а я тут сокрушаюсь, что придется заниматься самообразованием. Демоны меня задери, раз русский студент может сдать китайский по методичке, то и с основами чертильного искусства тоже справится.

Я решительно открыл книгу и, что закономерно, увидел всем известную комбинацию из трех пальцев. Что такое индукция энергетического канала, уровень напряжения силы в сети, темпорализация потока, система переходов. Короче, я ругался очень долго и на всех известных мне языках. Полчаса ушло на то, чтобы понять один абзац. В нем говорилось о линиях силы. Эти самые линии являются основами основ, из них я, по идее, должен чертить пикто-, гекса-, пента- и остальные граммы. Пролистав страниц сорок, я обнаружил само задание. В нем требовалось создать «простой» круг для концентрации силы. Для выполнения нужно было образовать замкнутый круг и вписать в него необходимую руну из гномьего алфавита. Что ж, живем один раз...

Я погрузился в себя и стал отрабатывать науку первого абзаца. Итак, для начала мне нужно соединить точку выхода с внутренним конденсатором. Я, конечно, не технарь, но смысл, кажется, уловил. Сжав зубы и напрягшись, я создал собственный канал силы. От природных, что были разбросаны во внутреннем мире в бесчисленном множестве, он отличался, как картина Микеланджело от моих школьных художеств на полях тетрадей.

Природные каналы просто светились силой, они были гладкими и мощными, да еще и синего цвета. Мой же получился дохленьким и бугристым, да еще и серебристо-серым, того и гляди порвется от одного лишь косого взгляда. Но делать нечего, мне как-то лениво тратить несколько часов на изготовление добротного материала. Во-первых, все равно не получится, да и медпункт недалеко... В общем, недолго думая, я присобачил один конец к источнику, а второй подвел к краю системы, где, судя по ощущениям, находилась точка выхода.

Вернувшись в реальный мир, я продолжил следовать инструкции. Волевое усилие, и по спине побежали мурашки, в скором времени с указательного пальца моей правой руки стала свисать непонятная серая сопля, по-другому и не назовешь.

Сглотнув, я взял лист бумаги и стал аккуратно размазывать эту магическую субстанцию. Водя пальцем, я оставлял на бумаге бледно-серый чертеж. Увы, идеально ровный круг у меня не получился, но, может, и овал сойдет? Закончив с первой частью, я припомнил руну «Геб»

и вывел ее на листе. Вот вроде и все. Очередное волевое усилие, и жижа втягивается в палец, мерзкое зрелище, если честно.

Прошла минута, три, десять, полчаса, но ничего так и не произошло. Не понял, я зря, что ли, в буквальном смысле жилы из себя тянул? Открыв учебник, я принялся листать главу и в дебрях непонятных терминов обнаружил родное «Активация». Пять минут ушло на освоение материала, и вот я прикладываю ладонь к рисунку. По спине снова пошли мурашки: если верить написанному, то это источник устанавливает контакт с моим искусством. Удаленный доступ, блин.

Через десять минут дрожь пропала и я стал ощущать рисунок частью себя. Еще раз осмотрев свое искусство, я решил, что ему пришло время практических занятий. Прикрыв веки, я активировал магический круг. В тот же миг из меня как душу вырвали, руки ослабли, сознание помутилось. Такое впечатление, что я целых три часа занимался интенсивной силовой тренировкой.

Открыв глаза, я увидел весьма нетривиальную картину. Аудитория была повергнута в сущий хаос. Перевернутые парты, разбросанные листы пергамента, осыпавшаяся штукатурка. Сам я лежал на полу, а пятерка ботанов распласталась у стены. Виновником данной феерии оказался небольшой, но очень плотный серебряный шарик. Он висел примерно в двух метрах над полом и создавал вокруг себя воздушные завихрения небывалой силы.

– Ты какой катализатор использовал?! – закричал, перекрывая невозможный гул, один из ботанов.

– Чего?! – Я уже успел отползти подальше и теперь цеплялся за раму в попытке удержать равновесие.

– Рисунок, демоны, рисунок!

– Овальный круг и «Геб»! – ответил я.

– Темные боги! – завопил другой. – На кой ляд ты в изменчивый контур весь запас-то втюхал?!

И я ему ответил – весьма грубо, помяная всю родню очкарика вплоть до великих предков. К сожалению, столь многэтажную конструкцию перекрыл резко возросший уровень шума.

– Он концентрирует давление! Необходимо дезактивировать! – прокричал один из ботанов, с виду он был более-менее нормальный, даже не худой, только толстенные очки весь образ погналили.

– Шар оперирует воздухом, а землю поглотит гномий «Геб». Стоит попробовать высокотемпературное пламя, оно создаст разность в давлении на площадь!

– Так чего ты ждешь?! – гаркнул я и уклонился от балки, упавшей с потолка. Либо у строителей руки из одного места, либо не я первый так развлекаюсь.

– Я не уверен, что мой круг не войдет в резонанс с твоим...

– Демоны! Я сейчас тебя сам резонирую, рисуй уже.

Парень кивнул. На миг застыв, он стал водить пальцем по стене, и там начала отчетливо проявляться замысловатая пентаграмма ярко-оранжевого цвета. Потом он приложил к ней руку и посреди комнаты взвился столб пламени.

– Резонанс! – вскрикнул он, и ботаны рухнули на пол.

– Да что за резонанс?

И тут ответ сам нашел искателя. Серебряный шар и оранжевое пламя слились воедино, образуя непонятный сгусток неопределенного цвета. С каждой секундой этот сгусток набухал подобно почкам по весне, все мое существо ревело об опасности, а я, как идиот, продолжал глазеть на жуткий шар. Через пять секунд у меня пересохло горло и стала зудеть кожа, следом по глазам резанула яркая вспышка и сознание унеслось в темное ничто.

Уже давно я не просыпался от боли, примерно с тех самых пор, как лекари решили подлатать меня после осады. Только меня никто не предупредил, что служивые костоправы отно-

сятся к наемникам еще хуже, чем к животным. Приоткрыв глаза, я увидел до омерзения белый потолок. Вот бывают такие, когда на одноцветном полотне нет ни следа хоть чего-нибудь, что разогнало бы искристо-снежную белизну. Нетрудно догадаться, что лежу я в лазарете, и говорит об этом не столько потолок, сколько не самая удобная койка, куча бинтов на теле и тумбочка с бесчисленным количеством флаконов и бутылок. Интересно, они на мне эксперименты ставили или им просто лекарства девать некуда? Так пусть мне отдадут, уж я-то найду им применение.

Минут через пять я смог пошевелить рукой, еще через полчаса, кривясь и корчась, принял полусидящее положение. Ну, не все так плохо, торс и левая рука плотно обмотаны тугими бинтами, но это не страшно, парой шрамов меньше, парой шрамов больше. Кто считает-то?

А вообще лазарет ничего так, длинное помещение с двадцатью койками, каждая огорожена ширмой. В окно бьет дневной свет, а через приоткрытые форточки слышно пение птиц. Если честно, то это прямо курорт какой-то. Откинувшись на подушку, я зевнул и завернулся в теплое одеяло. Так и бы пролежал все пять лет, отсыпаясь за все то, что упустил за прошедшие годы. Скажу вам по секрету, сон в постели куда приятнее сна на холодной земле, когда ты разве что землянку не роешь, чтобы скрыться от пронизывающего ветра. Закрыв глаза, я расслабился и забылся.

– Как самочувствие?

Вскочив как ошпаренный, впрочем, тут же схватившись здоровой рукой за правый бок, я встретился взглядом со знакомым мне старичком с седыми полупрозрачными волосами, желтыми ногтями и ярко-голубыми глазами. Он все так же продолжал смотреть сквозь меня, и оттого становилось как-то неуютно.

– Нормально, – ответил я. – Что с остальными?

Старик чуть прищурился, отчего морщины в уголках глаз растянулись еще шире.

– Заботаешься о своих одноклассниках?

– Да нет, – пожал я плечами. – Из вежливости спросил.

Заведующий кафедрой чертильного искусства, если его так можно назвать, чуть приподнял уголки губ, поднялся со стула, непонятно откуда здесь взявшегося, и отошел к окну. Одет маг был в простую бежевую робу, на ногах его красовались потертые шлепки с кожаными ремнями и, что самое удивительное, ни одной регалии я не обнаружил.

– Как ярко светит солнце, – ни с того ни с сего выпалил волшебник. – Когда небо затягивают тучи, разумные говорят, что мир погружается во мглу. Но в это время мы не выходим с факелами, не зажигаем светильники и не хватаемся за обереги, ведь как бы ни были черны тучи, солнце все равно освещает Ангадор.

Эм. От Нейлы я узнал, что чертильщики – это те еще ребята, но чтобы такое...

– С вашими товарищами все в порядке, – вернулся к теме старик. – Отделались легким истощением, ушибами и порезами, их еще с декаду назад выписали.

– С декаду? – удивился я.

– Ах да, – вздохнул маг. – Вы, молодой человек, непонятно зачем истратили весь свой энергозапас, и восстановление у вас заняло четырнадцать дней. Надо признать, я удивлен. При полном отсутствии какого-либо таланта вы поразительно быстро восстанавливаетесь. У простого мага на это ушло бы как минимум два сезона.

Утешил, блин. Восстанавливаюсь я быстро. Ты бы провел пять лет в лесу в компании маньяка-учителя, вот я бы на тебя тогда посмотрел.

– Надеюсь, с меня не взыщут за разрушение собственности академии, – буркнул я.

Маг обернулся, и на миг в его глазах сверкнула озорная смешинка.

– Если бы мы взыскивали каждый раз, когда какой-нибудь студент моей кафедры что-нибудь разрушает, то академия уже давно бы озолотилась. Хотя вы превзошли многих своих предшественников, в первый же день разнести целую аудиторию – это сильно.

– Спасибо, – хмыкнул я и плюхнулся на подушку.

– И вот что меня удивляет больше всего. – Казалось, волшебник вообще не замечает моих подколов на грани хамства, а может, ему просто все равно. Ведь не будет же лев гоняться за назойливым москитом. – В академии на сто учащихся примерно десять простолюдинов, и каждый из них в течение первого сезона проходит дополнительную подготовку. Сделано это потому, что начальная база этих студентов далека от их сверстников, которых с детства обучали наставники, нанятые заботливыми родителями. И вот представьте себе, в числе моих подопечных появляется юноша, бывший крестьянин, слуга, наемник, который, оказывается, умеет читать, знает гномий алфавит, словари-то на первую лекцию никому не выдавали. Но дальше больше: этот самый наемник за полчаса решает задачку, которую дают, хорошо если на второй сезон обучения.

Закончив, маг скрестил руки за спиной и стал с интересом наблюдать за маленькой серой птичкой, прыгающей по подоконнику.

– У меня тоже был наставник, – заметил я.

– Это тот странствующий воин? – Демоны, голос Сонмара просто источал ехидство и усмешку.

– Он самый, – кивнул я. Хорошо, что он стоит ко мне спиной. Когда не видишь лица человека, который может убить тебя одним щелчком пальцев, то хамить как-то проще.

Мы снова замолчали. Сонмар все продолжал смотреть на птицу, та же вдруг замерла, будто почувствовав что-то неладное, а секунду спустя сорвалась в небо.

– Помните нашу первую встречу? – задал риторический вопрос седовласый старик. – Тогда у вас спросили, почему вы решили стать магом, и вы ответили «Потому что могу». Хороший ответ, а главное, правильный. Я тоже считаю, что разумный должен делать то, что он может, независимо от того, к каким последствиям это приведет. Ведь если судьба дает вам какие-то способности, то значит, это не просто так, и возможно, за этим стоит нечто большее, нечто, что нельзя рассчитать при помощи логики или жизненного опыта. Я не стану испытывать ваши тайны или подвергать сомнению сказанные слова. Мне хватит и того, что у меня появился очень интересный ученик с весьма занятым прошлым и, я надеюсь, будущим. Так что поступим мы так. С завтрашнего дня вы можете не приходить на лекции по специальному курсу, вместо этого я выпишу вам полный допуск в библиотеку, а в конце рабочей недели буду принимать небольшой экзамен.

Волшебник резко повернулся, но на этот раз его глаза отливали сталью.

– Ваше слово? – спросил он.

– Согласен, – не раздумывая, ответил я. А чего тут вертеться-то, меня в течение четырнадцати лет учили учиться, и тратить время на изучение каких-то основ и прочего я не собираюсь. Да и полный допуск в библиотеку академии, где собраны труды величайших умов Ангадора, – это просто подарок судьбы. А уж то, что меня будет обучать сильнейший чертильщик империи... Правда, один момент меня все же беспокоит. – Позвольте задать вопрос?

– Спрашивайте.

– Зачем вам это нужно?

Уж если меня чему и научила жизнь, так это тому, что ни один разумный, не входящий в твой ближний круг, не пошевелит и пальцем, если данное действие не отвечает его собственным интересам. Старик снова отвернулся к окну и, подняв руку, закрыл ладонью солнце.

– Как бы ярко ни светило солнце, через сколь плотные тучи ни пробивалось бы оно, но на земле все равно останутся тени. Здание моей кафедры имеет не самое выгодное расположение, ученикам приходится заниматься в сумерках, и мне бы не хотелось, чтобы их и без того плохое зрение портилось из-за теней.

И с этими словами маг исчез, вот зуб даю, просто взял и испарился, будто он не человек, а мираж, навеянный зноем. Что же до меня, то я так и остался лежать, глядя в потолок. Глупо

гадать, когда и как Сонмар узнал о том, что я принадлежу к не самой притягательной касте воинов. В конце концов, у магов свои пути, а у смертных свои. Впрочем, в который раз я убеждаюсь в правдивости некоторых пословиц. И одна из них – «что ни делается, все к лучшему». Ведь действительно, не взорви я кабинет – не получил бы допуск к рогу изобилия всех знаний мира, ну и разговор по душам с будущим учителем также расставил свои акценты. Во-первых, мы поставили рамки – он не лезет с расспросами ко мне, а я не должен доставлять ему особых хлопот. Конечно, с последним будут проблемы, но я не я, если не смогу найти способ «выпить» в стенах академии. Как сказал бы Руст – ладная сделка.

Глава 2. Новые старые встречи

Спокойно полежать и обдумать ситуацию мне не дали. В лазарет зашла тучная дама преклонных лет и, поправив аккуратный белый чепчик, заявила, что я выписан и могу топать на все четыре стороны. Я не стал препираться, быстро собрался, благо все вещи лежали на соседней тумбочке, и покинул желтое здание. Солнце уже вышло из пиковой активности, а тени говорили мне о том, что время обеда осталось далеко позади. Конечно, можно было пойти в общагу и продолжить сновиденческий марафон, но, как это ни странно, энергия просто была ключом. Немного понежившись под теплыми лучами, я зашагал в сторону корпуса номер девять, где проходили лекции по теории малефицизма. В конце-то концов, нужно догонять поток, а то я на своей шкуре узнал, что это такое – отстать. Потом столько проблем в зачетную неделю и сессию... бр-р-р, как вспомню, так вздрогну.

Засунув руки в карманы (теперь-то я могу себе это позволить, а то раньше все устав да устав), я неспешно зашагал по аллее. А нравится мне здесь. Вся территория академии просто утопает в зелени, парки сменяются рощницами, рощницы – садами и теплицами, прямо эльфятник какой-то. Здание я нашел практически сразу, сказывается память: однажды заглянув в карту, я уже никогда не заблужусь.

Миновав фонтан в виде изящной танцовщицы, навеки застывшей в одном из па, я таки добрался до цели. Типичный одноэтажный корпус, правда, если проводить параллели со зданием чертильщиков, то это все равно что сравнивать хрущовку с апарт-отелем. Внутри все было тоже очень даже цивилизовано, ровные стены и полы, двери с красивыми бронзовыми табличками и никакого затхлого воздуха, наоборот – свежо, как после грозы. Отыскав нужную аудиторию, я по старой привычке поправил одежду и, глубоко вдохнув, повернул ручку.

– ...Как мы уже говорили на прошлом занятии, вместо того чтобы ставить сложную защиту, лучше не находиться на месте удара, – вещала прописные истины симпатичная молодая женщина. Ее волосы были забраны в тугий пучок, а на шее красовалась бронзовая цепь.

– Привет, Нейла, – махнул я рукой в сторону трибуны и зашагал на галерку. Как-то привычно мне уже там, тепло, уютно, всегда можно вздремнуть, если материал лекции уже усвоен.

– Студиозус Тим Ройс, – прошелестело за спиной.

Ох, узнаю я этот шелест, после него обычно бежишь в ближайший овраг и притворяешься мертвым хомячком, хотя и это не всегда спасает.

– Это не я, это все Руст, – привычно отнекивался я.

...Медленно обернувшись, я наткнулся взглядом на табличку «Нейла Лаймин». Какие там овраги, мне теперь в Рагос надо бежать, а может, и на Закатный Архипелаг. По заполненной студентами аудитории уже ходили шепотки, ну ладно, если что – я вообще чертильщик, мне простительно.

– Вы не ошиблись аудиторией? – спросила старая знакомая и еле заметно отпальцевала.

– Никак нет, – вытянулся я, но, спохватившись, поправился: – То есть нет, мэм, то есть леди Лаймин, то есть...

– Все! – одернула меня Колдунья. – Садитесь на свободное место.

Выдохнув и утерев выступивший пот, я под смешки и ехидные подколки на грани слышимости прошел к галерке и плюхнулся на свободное место.

– Давно тебя не видел. – Повернувшись, я заметил знакомую рыжую физиономию, кстати, рядом с Диргом сидели две девушки, и их лица также показались мне знакомыми.

– Я вам не мешаю? – прошептала Нейла.

Вскочив с места, я стукнул себя кулаком по груди и рывкнул:

– Никак нет!

Зал грохнул, никто уже не скрывал веселья, и смеялись во всю глотку.

– Студиозус Тим Ройс, останьтесь после занятий. – В глазах старой подруги я увидел лик темного жнеца. – Мы обсудим ваше поведение. А сейчас продолжим лекцию. Итак, мы остановились на теории защиты от базовых конструкторов...

Рухнув на скамью, я прикрыл глаза и задышал чаще. Рефлексы, демоны их задери! Интересно, а если я на прогулке встречу генерала, то так же вытянусь по струнке и начну бить себя в грудь, аки примат в брачный сезон? В это время я боковым зрением заметил, как сторонится меня Гийом.

– Не бойсь, – прошептал я ему. – Мне просто балкой по голове во время взрыва прилетело.

– Ага, – кивнул он. – Ты, главное, не волнуйся, дыши глубже, выдыхай чаще.

Отмахнувшись, я достал перо с чернильницей и принялся конспектировать лекцию. Однако писать нормально – без дырок в пергаменте, без клякс и прочего – у меня получилось лишь через сорок минут, когда Нейла уже перешла на примеры тех или иных конструкций. Сам материал я понимал слово через слово, но всем сердцем надеялся, что смогу закрасить пробелы в знаниях благодаря допуску в библиотеку.

Вскоре профессор стала вспоминать примеры из собственного опыта. Тут она остановила свой взгляд на мне, улыбнулась и стала рассказывать студиям, как она в сопровождении пяти охранников оказалась на территории противника. Там ей якобы повстречался отряд врага, где присутствовали два мага-стихийника. Увы, они лекций леди Лаймин не слушали и не знали, что от проклятий точечной направленности надо ставить не стационарный щит, а плавающий. Клянусь всеми светлыми богами, этот эпизод годичной давности я вспомнил, но что такое все эти «точечное заклятие аморфного типа», «динамический щит абсорбирующего типа», «статичный щит отражающего типа»... Короче, я на некоторое время выпал из реальности и весьма нелестными словами вспоминал своего прошлого наставника. Если он все еще стоит в очереди на перерождение, то точно от чахотки повторно помрет. И вот ведь какая беда – Добряк в магии был сведущ не хуже, чем здешние преподаватели, но наотрез отказывался обучать меня ей, а ведь мог хотя бы теоретический курс преподавать.

Под конец лекции Колдунья решила устроить демонстрацию. Она вызвала к себе какую-то девчушку с первого ряда. Та плавным движением откинула шелковые волосы и приняла позу архимага, снизошедшего до бранных смертных.

– Студиозус Хара Тин, вы усвоили сегодняшний материал? – шелестел голос Колдуньи. Я непроизвольно вжался в спинку скамейки и попытался притворитьсядохлым хомячком.

– Ты чего? – прошептал Дирг.

Я только кивнул на кафедру, где сейчас могло пройти форменное смертоубийство. Хотя нет, Нейла ее так просто на круг реинкарнации не отпустит, наша кровожадная магиня в лучшем случае отправит глупышку на нижние уровни бездны.

– Конечно, – фыркнула Хара.

Мне хотелось вскочить с места и заорать «Ты что делаешь?», но конечности онемели, а язык стал деревянным.

– Что ж, – кивнула Нейла, и в ее глазах сверкнул фиолетовый огонек. – Сейчас я использую слабое проклятие, направленное в область головы. Ваша задача – защититься.

Девчушка снова хмыкнула и подняла руку, с ее ладони сорвался маленький бледно-голубой шарик. Впрочем, сфера за какое-то мгновение увеличилась в объеме и накрыла коконом девичью фигурку. Правда, удар сердца спустя по аудитории пронесся дикий вопль. Защитная сфера раскололась, прозрачной дымкой исчезая в пространстве, а Хара упала на колени.

– Господа учащиеся, – Нейла повернулась к залу, – если вам неинтересны лекции, вы вполне можете не приходить на них. Но если уж соизволили явиться, то не стоит мешать своим коллегам получать необходимые для выживания знания. А вам, – обратилась Колдунья к хныкающей девчушке, – настоятельно советуяйти к лекарям.

Леди, а в том, что она леди, можно не сомневаться, вскочила на ноги и стрелой бросилась к выходу. Когда она уже почти скрылась за дверью, я успел заметить, как ее некогда смазливая мордашка покрылась белыми гнойниками и ужасными фиолетовыми прыщами. Жуть.

– На этом наша лекция закончена, – продолжала профессор. – Задание на выходные – доклад на тему щитовых заклинаний, объемом в одну тысячу слов.

Зал загудел, но ни одной возмущенной реплики не последовало, после такой демонстрации глупцов не нашлось.

Закинув в сумку исписанный пергамент, чернильницу и перо, я вздохнул и вошел в скрыт. Что-то меня совсем не тянуло оставаться после лекции. Уж лучше потом зайду к ней в кабинет, принесу чай, конфеты, в общем – организую нормальное жертвоприношение. Аккуратно спускаясь по ступенькам, я старался никоим образом не выдать своего присутствия. Сделать это оказалось не очень и сложно, даже несмотря на тот факт, что в аудитории были одни маги.

– Студиозус Тим Ройс, – прозвучал голос за спиной, когда моя рука уже лежала на дверной ручке.

Возведя глаза к потолку, я, не найдя там ответа, развернулся и, продираясь через толпу спешащих на выход сокурсников, отправился к Колдунье. По пути мне встретился Дирг, он положил мне руку на плечо и состроил скорбную мину, я покивал и отправился дальше. Вскоре в аудитории не осталось никого кроме нас. Нейла стояла облокотившись на стол, я восседал на парте. Кстати, этот тугой пучок, стянутый длинными шпильками, очень шел ей.

– Тим Ройс, – протянула волшебница.

– Нейла Лаймин, – передразнил я ее.

Еще некоторое время мы буравили друг друга глазами, а потом рассмеялись. Смеялись заливисто и беззаботно, совсем не так, как будучи наемниками. А потом Нейла совершила неожиданный поступок: она буквально подлетела ко мне и заключила в объятия. Обнял и я, мы простояли так некоторое время, а потом Нейла отстранилась.

– Это не дело, – сказала она. – Я хотела сюрприз сделать, а ты от меня в лазарете решил скрыться?

– Ну сюрприз так и так вышел, – заметил я. – Зато у лекарей нормально отоспался.

Колдунья как-то по-домашнему улыбнулась и, вытащив шпильки, распустила волосы. Раньше они были не длиннее сантиметра, а сейчас касались лопаток.

– Фух, – выдохнула она. – Ты представить не можешь, как меня выводят из себя эти требования к внешнему виду.

Еще как могу! Помнится, на одной из подработок мне приходилось по девять часов носить строгий, даже вычурный костюм. После двух месяцев подобного издевательства я зарекся носить эти колодки на всю оставшуюся жизнь.

– Как Молчун? – спросил я.

– А вот у него и спросишь, – ответила подруга и, схватив меня за руку, потащила к выходу.

– Меня ж не выпустят. – По правилам внутреннего распорядка с территории академии можно было выйти, только имея на руках специальный пропуск.

Колдунья посмотрела на меня как на идиота и потащила дальше. Мы покинули здание и отправились напрямик к школьным воротам. Колдунья все так же, не ослабляя хватку, держала меня за руку, и когда мы пересекали очередной маленький парк, нас заметили девушки с курса. Они тут же встали в кружок и зашушукались, поочередно бросая на Нейлу любопытствующие взгляды. Видимо, к вечеру я стану одной из тем для девичьих сплетен, хотя какая мне разница, пусть думают что хотят.

Позади остались скверы, и мы вышли на главную дорогу, если так можно назвать небольшой мощеный проспект. Миновав административное здание, где я впервые встретился со

своим нынешним или будущим (это уж как посмотреть) наставником, оказались прямо перед воротами академии. Почему-то мне всегда думалось, что стражников должно быть четверо, но, как выяснилось, с внутренней стороны выход никто не охранял.

Нейла подошла к небольшому окошку на одной из створок и три раза постучала в него. Секундой позже дощечка отъехала в сторону и в проеме показалось пухлое лицо, не отягощенное интеллектом. Все же на стражу ставили либо провинившихся, либо неуспевающих студентов.

– Кто такая? – пробасил дальний родственник барсука.

– Профессор Нейла Лаймин, – спокойно ответила подруга.

– А этот? – кивнул пухлый в мою сторону.

– Студент.

– Пропуск есть?

– Нет, – ответил я.

– Тогда не пропушу, – покачал головой страж, в его глазах забегали алчные огоньки. Ну теперь понятно, каким образом можно покинуть территорию, вот только на этот раз ему вряд ли что-то перепадет.

– Под мою ответственность, – прошелестела Колдунья. Ох и не нравится мне этот тон.

На лице пухлого отразилась напряженная работа мысли, вернее там жадность боролась со здравым смыслом. И как видно, последний потерпел сокрушительное поражение.

– Все равно не пушу, – рявкнул будущий коррупционер и задвинул окошко.

Нейла застыла как каменная, и только ветер тихонько трепал ее волосы.

– Ну я ему сейчас... – прошипела она и закатала рукава. Я же, в целях сохранения рассудка и жизни, нырнул в ближайшие кусты.

Дальнейшего я не видел, впрочем, даже отсюда расслышал глухой звук падения тела. Потом заскрипели ворота и раздался смутно знакомый голос.

– Вы его простите, – кто-то очень старательно лебезил перед леди. – Не со зла он. Задолжал маленько в борделе, вот и ищет способ подработать.

– Такому только по борделям и ходить, – хмыкнула Нейла. – Ройс, ты где?

Без особого рвения я вылез из кустов и отряхнулся.

– Ты чего там забыл? – удивилась подруга.

– Да вот показалось – зайца видел, – брякнул я первое, что пришло в голову.

Нейла (демоны, как непривычно ее так называть!) вздохнула и круговыми движениями помассировала виски.

– Пойдем уже, – махнула она рукой и, развернувшись на каблуках, еле слышно добавила: – Пока я окончательно с ума не сошла.

Приняв облик провинившегося ребенка, я потопал следом, оставляя за спиной в прямом смысле окаменевшего пухляка и второго стража.

– Ба! – прогремело сзади. – Так ты все же поступил!

Обернувшись, я внимательно вгляделся в физиономию говорившего и наконец признал в нем парня, с которым разговаривал в прошлом году.

– Ага, – улыбнулся я. – А ты, я смотрю, очень дорожишь этим постом.

– Скажешь тоже, – рассмеялся парень. – Хотя ты прав, я здесь частенько бываю. Просто силы много, контроля мало, вот меня и ссылают за «переусердствование». – Последнее слово бедняга произносил так, будто пародировал кого. – Кстати, вернись до полуночи, а то проблемы со зрителем будут. А он у нас дядька военный, коли не прав, то огреет так, что и лекари иной раз за голову хватаются в попытке понять, как лечить пострадавшего.

– Спасибо за совет, – кивнул я и побежал догонять Нейлу.

Настиг я ее уже в конце улицы, и все то время, пока мы петляли среди высоких домов, мне было как-то неудобно. Когда подруга завернула рукава своего платья, я заметил на ее

правом запястье небольшой золотой браслетик. Так что как-то неприятно вышло, вот вроде мы с друзьями не попали на свадьбу из-за войны, а с другой стороны – приглашение-то было и висело на мне тяжким совестным грузом.

Вскоре мы очутились в жилом квартале среди целого лабиринта из высоких каменных заборов. А устроилась пара весьма неплохо, почти в центре столицы, да еще и в престижном районе. Пройдя несколько поворотов, мы оказались перед кованой решеткой, перекрывающей путь в уютный садик. Нейла провела рукой по замку, и тот, щелкнув, отворил проход. Магия, блин.

Идя по ухоженной дорожке, я старался все тщательно осмотреть. Все же мудрецы говорят: если хочешь узнать человека, узнай его дом. И сейчас Нейла, как и Тист, открывались мне с совершенно неизвестной стороны. В саду виднелись местные аналоги земных тюльпанов и роз, также я заметил несколько странноватых растений, мне не известных. Они обладали весьма большими лепестками сиреневого цвета, но при этом стебель был слегка коричневатого оттенка. Потом я заметил обычный гамак, натянутый между двумя дубками. Видимо, это место отдохновения Молчуна, он у нас ярый поклонник таких «полежанок».

Уже почти перед самым крыльцом я ощутил тусклый запах раскаленной стали и камня. Нейла, заметив мою небольшую заминку, только лукаво улыбнулась, но все так же продолжала хранить молчание.

Зайдя в дом, я снял сапоги и повесил куртку на крючок.

– Не стой столбом, – подтолкнула меня внезапно преобразившаяся подруга. Куда-то пропало строгое платье, ему на смену пришел домашний сарафан, волосы Лаймин убрала в платок и поверх сарафана еще и передник нацепила. Уже ничего не говорило о прошлом в рядах наемников, да и о профессорской должности тоже. На меня добро смотрела обычная хозяйшка, радушно привечающая старого знакомого. – Челюсть подбери и давай на кухню.

Выполнив указания и вернув загулявший орган на место, я двинул следом. Стены, покрашенные в нежные тона, создавали атмосферу уюта и покоя. А чуть скрипящий пол нисколько не портил картину, он, наоборот, дополнял ее, насыщая своим особым, неповторимым оттенком настоящего дома. Не простой лачуги, наспех сбитой, чтобы укрыться от наступающих морозов, и не тех пропахших дымом палаток, а именно Дома с большой буквы.

Кухня оказалась весьма современной, для Ангадора, конечно. Ладная печь, красивый резной стол, шкафы с посудой, умывальник и цветы на подоконнике. Ополоснув руки, я отодвинул табурет и уселся за стол.

– А где?

– Тист! – крикнула Нейла.

Минутой позже в помещение зашел Молчун. Вот кто ни капельки не изменился. Все то же суровое, но спокойное лицо, грудь, вздымающаяся подобно проснувшемуся вулкану, и черные как смоль волосы, заплетенные в три косы. Своими медвежьими лапами Тист сгреб Колдунью и поцеловал ее. От такого зрелища у меня как медом сердце окатило. Все же иногда хочется отказаться от дороги и посидеть в теплой обстановке. Правда, все хорошо в меру...

– Ну хватит! – рассмеялась Нейла и змейкой выскользнула из объятий мужа. – У нас гости.

Молчун замер, а потом медленно повернулся ко мне. Вот никогда не понимал – то ли он улыбается, то ли скалится, но вскоре меня постигла участь подруги. Молчун так же сгреб меня в объятия, вот только вместо поцелуев он постучал меня по спине. Лучше бы мы ограничились рукопожатием, так бы у меня была лишь сломанная кисть, а теперь придется ребра сращивать.

– Я тоже рад тебя видеть, здоровяк, – прохрипел я. – Но ты меня сейчас загубишь.

– Дорогой, – хихикнула Нейла, – поставь мальчика на место.

Тист ослабил хватку, и ноги снова встали на твердую поверхность. Варвар подвинул себе громадный стул, который вполне мог заменить стенобитный таран, и уселся прямо напротив меня.

– Все разговоры потом, – нахмурилась Колдунья. Вот ума не приложу, как она Молчуна без слов понимает. Видать – любовь. – Сначала поедим.

Поесть я был не прочь, и уже через полчаса на столе стояло жаркое, миска с ароматным хлебом и пирожки. Ел я долго, смакуя каждый кусочек. Уже очень много лет я не пробовал домашней пищи и сейчас просто не мог позволить себе быструю трапезу. Нужно было дать сознанию запомнить этот вкус, запомнить каждый оттенок запаха и все сопутствующие ощущения. Ведь неизвестно, когда мне еще раз доведется отобедать не солониной или не недавно подбитым кроликом. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, закончился и этот обед, плавно перетекший в ужин. За окном уже смеркалось, а мы так ни о чем толком и не поговорили.

– Вот и чайник закипел, – нарушила звенящую тишину Нейла и сняла пузатого с плитки. – Теперь можно и поговорить, только не здесь. Пойдемте в беседку.

В итоге Тисту доверили нести кружки, мне – пирожки, ну а чайник, как и положено, покоился в руках Колдуньи. Такой нехитрой процессией мы выбрались во внутренний дворик и вошли в беседку. Поставив съестное на стол, мы расселись по местам. При этом Нейла, забравшись на лавку с ногами, устроилась на плече мужа. И у меня в голове сразу всплыла картинка из старого советского мультфильма, где бродячая кошка заснула на спине у огромного медведя.

Налив себе чаю и вооружившись пирожком, я начал свой рассказ. Поведал друзьям и о страшной пьянке, устроенной в Борсе после победы. Потом припомнил несколько комичных ситуаций, что произошли у нас во время пути до Харпуда. Огромный успех имела история, когда мы подшутили над Пило и подсунули ему самую страшную приписную. Вся соль истории была в том, что предварительно мы замотали ее в легкие одежды, а лицо накрыли еле прозрачной тканью, ну и представили ему как танцовщицу с земель, лежащих за пустыней. Младший к этому моменту уже мало что соображал от выпитого спиртного. Поутру же на весь лагерь раздался душераздирающий вопль, а «пробитые» могли увидеть, как через всю просеку несется голый мужик и что-то яростно кричит.

Вспомнил я и сам Харпуд, рассказал о том, как нас накрыла лавина, о том, как блуждал в подземельях. Когда же речь зашла о тамошних обитателях, то Нейла непрерывно ахала и охала, а вот Тист светился охотничьим азартом и явно мне завидовал. Потом рассказал о Сильвии и ее «кошках». Молчун хмыкнул, а Колдунья не постеснялась отпустить пару ехидных шуточек на весьма плоские темы. Рассказал им о принце, о том, как мы все боялись, что по наши души явится императорская гвардия и наш путь закончится в казематах и пыточных.

Я все старался оттянуть момент, когда придется сообщать ужасную новость, но так или иначе речь зашла о Мальгроме. Я рассказал о том, как мы рубились на парапетах, о том, как упал вниз, как зашивал самого себя и как наша армия взяла крепость. Припомнил взятие магазина, и то оружие, что отыскалось в нем.

– Кто? – прошептал Молчун, и у меня чуть уши не заложило от его громоподобного голоса.

– Ушастый, – ответил я.

Друзья сразу помрачнели, их лица тронула грусть, вскоре Тист принес из дома бутылку. Выпили. Снова помолчали, снова выпили. Так продолжалось до первой звезды. Ну а затем мы поменялись ролями, рассказывать стала Нейла. Оказывается, они после битвы не сразу поехали в столицу, а остановились в одном из пригородов, но по смешному стечению обстоятельств в том же трактире, где будущая семья сняла комнату, остановился бывший учитель Нейлы. Он-то ей и предложил работу в столице. И, что самое удивительное, Нейла согласилась исключи-

тельно из-за настояний мужа. Когда же я спросил, что стало поводом, то Тист растянул губы в улыбке-оскале, а волшебница заботливо погладила живот. У меня аж дыхание перехватило.

– А как назовете? – спросил я.

Пара переглянулась, затем Молчун кивнул и Нейла ответила мне.

– Дайлин, если мальчик, и Диана, если девочка.

– Красивые имена.

– Эльфийские, – кивнула подруга. – Так звали Ушастого.

Я ничего не сказал, только продолжал смотреть на небо. Интересная штука жизнь – за целый год я так и не узнал, как зовут нашего деревянного друга, а теперь вот в его честь назовут новое маленькое существо. Какая жизнь будет его ждать? Станет ли он магом, как мама, или воином, как отец. А может, пойдет по другой дороге, и та выведет его к удивительной, неповторимой судьбе, полной ярких красок и впечатлений. Впрочем, все наши судьбы удивительны и неповторимы, только порой мы этого не замечаем.

– Не могу понять, – сказал я, втянув воздух носом, – откуда здесь запах стали.

– А ты во-о-н туда посмотри, – ткнула Нейла пальчиком в дальнюю пристройку.

Демоны, слона-то я и не приметил: прямо к дому была приставлена ладная кузня.

– Не знал, что ты кузнец, – обратился я к Молчуну, тот только хмыкнул – мол, «ты вообще мало чего знаешь».

– Батюшки! – вскинулась подруга, я же от такого оборота только вздрогнул. Куда только подевались привычные «темные боги». – Совсем за временем не следим, а тебе еще обратно возвращаться.

Опомнился и я, поблагодарив друзей за ужин, собрался на выход, но получил легкий подзатыльник от Молчуна. Когда же я спросил за что, тот только развел руками и указал на Нейлу.

– И куда ты собрался без пропуска? – усмехнулась она.

Хлопнув себя по лбу, я уселся обратно и стал ждать, пока мне не выпишут заветную бумажку. Много времени на это не ушло, будущая мать черкнула несколько строк на пергаменте, затем свернула его в трубочку и поставила восковую печать.

– Держи, – протянула она мне готовый документ.

Поблагодарив ее, я теперь уже без всяких проблем добрался до калитки. Сердце почему-то ныло, и на душе было беспокойно. Против воли обернувшись, я увидел, как обнимаются друзья. А на их лицах светятся теплые, домашние улыбки.

– Ты еще заходи, – обронила Нейла. – Не чужие ведь люди.

– Обязательно, – ответил я на приглашение и покинул дом.

Город встретил меня своей надменностью, присущей любой столице. Гранитные мостовые, казалось, вздрагивают и морщатся от каждого моего шага. Будто им противно, что по ним ступают сбитые, грязные башмаки. Ветер неприятно трепал волосы, шепча мне, чтобы убирался подальше отсюда. Здания теснились, зауживая проходы, они не хотели пускать меня в сердце страны.

Здесь я был чужим, и не потому, что я беден и пьян, а просто потому, что мой путь еще только в самом начале. Колдунья и Тист, старые друзья, ставшие мне родными, закончили свой и теперь могут обрести покой, маленькое личное счастье. Их дорога закончилась свадьбой, домом и ребенком. В такие моменты хочется прозреть будущее и увидеть, чем же закончится твое приключение длиною в жизнь, но надо ли это мне? Или пусть все будет как будет. Ведь в таком огромном мире обязательно найдется (просто не может не найтись!) уголок, где отыщет свое пристанище заблудшая душа, вытуренная из другого мира. Вот только пускай этот уголок подождет меня еще немного, пусть он подождет, пока я не увижу весь этот мир.

Взглянув на небо и снова поймав на себе взгляд луны, я впервые сожалел, что рядом нет мудрого эльфа, способного одним незаметным намеком вернуть душевное равновесие. Впро-

чем, стоит уже повзрослеть и научиться жить без наставников, самостоятельно прокладывая себе путь через джунгли под названием судьба.

Знакомый маг, дежуривший на посту, пропустил меня, не спросив документа, а я не стал ему об этом напоминать, пусть будет такой своеобразный козырь на всякий пожарный. Академия встретила меня своими аллеями и дорожками. Как минимум на ближайший год эта обстановка станет для меня домом, вернее перевалочным пунктом, которыми я обхожусь в течение последних семи лет. На Земле я не ценил понятие «дом», а вот теперь... Теперь мне кажется, что дом – это не просто квартира, дача, сруб или что-то в этом духе. Дом – это прежде всего место, где тебя ждут и куда ты можешь вернуться.

Всмотревшись в тени, я понял, что безбожно опоздал, и если верить наставлением знакомого, то сейчас мне устроят нехилую взбучку. Остановившись перед зданием общаги, я вошел в скрыт и аккуратно отворил дверь. Хотя это было напрасно: смотритель беззаботно спал, положив голову на руки. Не снимая покрывала, я прошел к лестнице, и тут голову сдавило чувство опасности. Отпрыгивая назад, я, как в замедленной съемке, наблюдал за тем, как белое гусиное перо, оставляя в воздухе росчерк, впивается в стену.

– Ты скрипишь, – прокряхтел старый вояка. – В лесу надо не хрустеть, а дома не скрипеть.

Я замер, ожидая дальнейшей расправы.

– Иди уже, – буркнул старик и снова улегся спать, не особо разбираясь в ситуации.

Я поблагодарил богов за ниспосланную удачу и поднялся по лестнице. В коридорах уже погасло освещение, но практически из-под каждой двери пробивался свет. Спящий студент – это студент перед сессией, так что ничего удивительного в том, что свет горел и под нашей дверью. Провернув ручку, я уставился на две знакомых мне физиономии и на одну новую, но почему-то смутно знакомую.

– Ты! – крикнула одна из двух девушек, и в мою сторону полетело какое-то плетение. Уже теряя сознание, я вспомнил, что против точечных структур надо ставить динамический щит, вот только как его ставить...

Глава 3. Стыдно не работать

Я сидел на берегу огромного озера, дул приятный легкий ветер. На небе смиренно плыли облака, а солнце игралось в гребнях воды, создавая иллюзию золотой дороги, уходящей куда-то далеко к горизонту. Упав на спину, я сорвал высокую травинку и, помяв ее кончик, потянул в рот. Немного горьковато, но приятно. Прикрыв глаза, я попытался насладиться мгновением абсолютного спокойствия. Но в голове что-то щелкнуло, я вспомнил, что я сейчас не у озера, а вроде как в академии. И как только эта мысль пронзила все мое сознание, то пропала трава, ясно-голубое небо обернулось непроглядной тьмой, а вода превратилась в смолу. Меня куда-то потянуло, я хотел вздохнуть, но не мог, я просто тонул.

– Ну наконец-то! – крикнул кто-то рядом. – Уже третий стакан вылили.

– Кхе-кхе! – Откашлявшись, я открыл глаза.

Прямо надо мной стояли трое. Рыжеволосый Дирг, леди Лизбет, чьи глаза пылали подобно уголькам в ночи, и неизвестная мне девушка. И если честно, это была первая представительница прекрасного пола, встреченная мною на Ангadore, которую действительно можно было назвать прекрасной. Длинные каштановые волосы лежали на плече, собранные в некое подобие водопада. Ясные голубые глаза, в которых тонул не один кавалер. Доброе, красивое лицо с правильными чертами и аккуратный, чуть курносый носик.

– Ты как? – спросил рыжий. – Очнулся?

– Нет, демоны вас задери, – огрызнулся я и, вставая, стянул с себя куртку с рубашкой, тут же принявшись их выжимать. У меня, если что, других-то и нет. Ну не считая того тряпья, в котором даже босяку будет стыдно на люди показаться. – Вы на меня все Закатное море вылили, что ли?

Ответа не последовало. Обернувшись, я стал свидетелем весьма примечательной картины. Дирг задумчиво тер подбородок, а девушки то краснели, то бледнели. Видимо, права была Нейла и неправы наемники, убеждающие меня в весьма свободных нравах столицы. Хотя та же Сильвия, например, вообще смогла научить меня паре новых приемов. Поняв, что выжать одежду мне не суждено, я открыл окно и положил шмотки на подоконник, на всякий случай придавив учебниками.

– Налюбовались? – спросил я, заваливаясь на кровать. Все тело ломило, а в голове будто клан гномов руду добывал. Мысли путались, и сколько я ни силился вспомнить, что же произошло после того, как смотритель попытался прибить меня гусиным пером, ничего не получилось. Все было подернуто мутным белесым туманом.

– Было б чем, – фыркнула внучка графа и, дернув носиком, приняла вид глубоко оскорбленной дамы.

Вторая девушка полностью проигнорировала мой выпад. И здесь есть два ответа на вопрос почему – либо я божественно красив, либо ее статус настолько высок, что девушке просто пофиг на такие подколки. И что-то мне подсказывает, что с первым вариантом я пролетел. Рожей не вышел, да и комплекция не соответствует местным стандартам. Короче – не судьба.

– Кстати, а чего это я, собственно, в отключке-то был? – спросил я с легким прищуром. Что-то мне не нравилась эта ситуация.

– Да тут такое дело, – протянул рыжий, одновременно с этим комично почесывая затылок. – Представь, дверь открывается...

– Дирг, – оборвала его незнакомка, а голосок у нее красивый, поставленный. Наверняка вокалом занимается, и я не я, если она не аристократка, пусть даже из Семьи. – Может, ты представишь меня своему другу?

Нет, точно из аристократии. Соблюдает этикет, даже осознавая тот факт, что я нахожусь на самых низах социальной пирамиды. Любой дворянин на ее месте изменил бы формулировку и попросил представить «меня ему», а не «его ко мне».

Осознав всю ответственность момента, я поднялся с кровати и принял благочестивый вид. Ну, насколько это можно было сделать, учитывая, что я стоял лишь в штанах, на которых заплаток было больше, чем кожи, и в носках с дырками на пятках, вернее пяток там в принципе не было, но не суть.

Дирг принял правила игры и, прокашлявшись, стал вещать тоном заправского дворецкого.

– Тим Ройс, – обратился он ко мне. – Позволь представить тебе мою несравненную сестру – герцогиню Рейлу эл Гийом!

Темные боги знают, каких усилий мне стоило сохранить спокойствие и ничем не выдать своего волнения. А это самое волнение не то что присутствовало, на какой-то момент мое сердце взяло отпуск, покидало вещички в чемодан и совершило турне по самым темным закоулком моего организма. Судя по всему, пару раз по дороге у него спускало шину, и алый моторчик начинал вспоминать все матерные слова на всех известных языках. Девушка, стоявшая предо мной, могла поспорить титулом с самой принцессой, и если бы в этот спор вступил глава Рода, я не уверен, кто бы победил. М-да, хорошие у меня завязываются знакомства. Прямо как паста с огненным чили. С одной стороны, безумно вкусно, а с другой – «жгуче-опасно».

Когда прошли положенные пять секунд после представления, я согласно всем правилам завел левую руку за спину, совершил правой несколько круговых движений и, вытянув правую ногу вперед, галантно поклонился. Спасибо Ушастому – научил.

– Рейла, – повернулся парень к своей сестре. Интересно, а как так получилось, что он является ее братом, но при этом имеет приставку «ним». Или они сводные? Тогда беру свои слова насчет свободы нравов обратно. – Позволь представить тебе моего товарища – Тима Ройса!

Обладательница не самого сладко звучащего имени скосила взгляд в сторону брата, но так и не дождалась какого-либо продолжений. Я уж было рассчитывал, что на этом все и закончится, что девушка дернет плечиками и кивнет, но она проявила истинно аристократическое воспитание. Схватив двумя пальчиками тонкую ткань платья, Рейла расплылась в изящном реверансе. Хорошо хоть, руку не протянула, нет, я бы ее, конечно, поцеловал из чувства приличия, но все же это уже жест высшего света, так сказать. Целовать ручку даме может лишь равный по статусу, либо приглашенный, если это бал или светская вечеринка.

– Весьма поражен вашей красотой и грацией. – Я действительно был поражен, но эта реплика была частью церемонии.

– Благодарю вас, – кивнула девушка и тут же рассмеялась. Смеялась она громко и заливисто. Мы переглянулись с Диргом, но тот лишь пожал плечами. Лизбет же все еще дулась на меня. Когда раскрасневшаяся Рейла отсмеялась, то уселась на кровать братца и скрестила ножки. – Может, обойдемся без всех этих дворцовых заморочек? – подмигнула она, чем очень сильно напомнила своего брата.

– Да без проблем, – хмыкнул я и снова плюхнулся на матрас.

– Ну что за хам, – возмутилась Лизбет. – Ладно этикет опустили, но так себя вести перед дамами...

Взглянув на это взлохмаченное, но, бесспорно, милое недоразумение, я сложил ладони «колодцем» и дунул в них.

– Ау-у-у, – раздался протяжный звук, почти идентичный волчьей песне.

Графиня вздрогнула и побледнела.

– Да ты не бойсь, – махнул я рукой. – Если что, я, как всегда, к твоим услугам.

Эх, надо было мне провокатором на митингах работать. Вон как ее затрясло. Нет, вы не подумайте, я не садист, но некое удовольствие от таких приколов получаю. Сказывается целый год, проведенный в обществе самых безбашенных представителей этой части центрального материка.

– А вы уже знакомы? – Рейла сейчас нисколько не походила на аристократку, а тем более – герцогиню. Просто обычная девушка лет восемнадцати, может, чуть меньше, хотя вряд ли. Четкие линии сформировавшейся фигурки не позволят ошибиться в этом вопросе.

– Да, – сказал я.

– Нет! – крикнула Лиза.

– Ой, – восторженно ахнула красавица, а Дирг только закатил глаза и, встав около шкафа, показательно поводит ладонью перед горлом, давая мне понять, чтобы я не начинал этот диалог. – Я чувствую, за этим кроется очень интересная история.

– Ничего не было! – замахала руками Норман.

– Было, не было, – пожал я плечами. – Кого это волнует? – И вот опять девушка покраснела и уже готова броситься на меня с голыми руками, дабы вырвать мне сердце и полюбоваться агонизирующим хамом. – А вообще, давай баш на баш?

Гийом дернула бровью, и мне пришлось пояснить.

– Ты рассказываешь, как познакомились вы и почему я был без сознания. Ну а я расскажу свою историю.

– Хорошо, – кивнула девушка и улыбнулась. Что я там говорил насчет кавалеров, тонувших в глазах? Да этой улыбочкой можно целые страны завоевывать. Эх и повезет же кому-то, и не жаль, что не мне. Мне никогда не нравились красотки. Вернее нравились в определенном смысле этого слова, но я их никогда не рассматривал как объект для длительных отношений, точнее я никого не рассматривал как объект для длительных отношений. Демоны, что-то со мной однозначно произошло за эти десять минут. Мысли напоминают рой встревоженных муравьев, никак не могу разобраться с этим бардаком. – С Лизбет мы познакомились две декады назад. Нас в одну комнату поселили. А без сознания ты был, – тут девушка чуть замаялась, но потом решительно выпалила: – Потому что поскользнулся на полу и неудачно упал.

– То есть ты хочешь сказать, что вы перед дверью разлили лужу, из-за чего я имел честь поприветствовать пол лбом. Но вам этого показалось мало и вы решили утопить меня. Я правильно все понял?

– Почти, – ехидно оскалилась Норман. – Мы тебя не топили, а мыли. От кого-то так разлило медяшной брагой, что у меня чуть глаза не вытекли. Так что ты еще спасибо должен нам сказать!

Спасибо сказать? Да я скорее поверю в существование богов, чем в эту на ходу придуманную историю, но докапываться до истины мне лень, да и голова как ватная, того и гляди засну. Да и демоны его знают, может, я действительно перепил у Нейлы с Молчуном. Хотя не помню, чтобы меня когда-либо мучило от одной бутылки крепленого, пусть и под плохое настроение.

– Подумаешь, – все продолжала улыбаться Рейла. – Шишкой больше, шрамом меньше.

Посмотрев на нее, я тут же ощутил разницу между вот этой прелестной девушкой и наивным Константином. Вроде из одного теста сделаны, но один прост, как доска, так как почти не вертелся в том гадюшнике, а вот эта леди разве что не шипит. Нет, это не стройная роза с острыми шипами, это кобра, смертельно опасна, но так же красива.

– Появились другие вопросы? – спросил я.

Некоторое время мы сверлили друг друга глазами, но вскоре Рейла подняла руки в примирительном жесте.

– Просто Ройс, да? – сказала она куда-то в пустоту, а потом обратилась ко мне: – Если честно, я еще никогда не видела такого количества шрамов на теле мужчины.

– А ты много голых мужчин видела? – попытался я ее подколоть.

– Достаточно, – ответила она, вновь не обратив внимания на шпильку.

– Тогда могу сказать, что я шибко невезучий.

– Это уж точно, – впервые к разговору подключился Дирг, все это время стоявший в сторонке. – В первый же день попал в лазарет, а как выздоровел, то чуть голову себе не разбил.

– Видимо, боги тебя не любят, – поддакнула Лизбет.

– Ну меня-то хоть боги не любят! – рассмеялся. – А вот кого-то невзлюбит смотрительница. И это будет куда страшнее.

И вновь лица девушек меняли выражения с немыслимой скоростью. Наконец остановившись на варианте широко распахнутых глаз, они одновременно вскочили и побежали к выходу. Лизбет выскочила первой. А вот Рейла, затормозив, обернулась и уставилась на меня.

– Ты обещал интересные истории, – безапелляционным тоном заявила она и также скрылась в коридоре.

Дирг, вытерев несуществующий пот со лба, закрыл за ними дверь и с разбегу плюхнулся на кровать.

– Могешь, – хмыкнул я.

– А то! Ты бы знал, какие у нас кровати в летнем поместье. Мм-м-м! Закачаешься. А уж как на них можно...

– Не сыпь мне сладицы в пиво, – скривился я.

– Так в чем проблема? Я тут одно заведеньице знаю, там такие феечки работают!

Вместо ответа я продемонстрировал дырявые носки и рубаху с прорехой, обычно прикрытую курткой.

– Дальнейшие объяснения требуются или тебе понятны мои приоритеты?

– М-да, – нахмурился сосед. – Некрасиво получилось.

– Проехали. Ты мне лучше скажи, здесь подработать-то можно?

Рыжий задумался. Положив руки под голову, он уставился в потолок и даже начал что-то напевать.

– Боги не дадут солгать – не знаю, – вздохнул аристократ. – Да и если подумать, нас же, демон, кто отсюда выпустит. Так что работа в городе не вариант, ну а на территории... Попробуй поговорить со своим заведующим кафедры на эту тему.

– Попробую, конечно. Только вряд ли он что-то дельное посоветует. Ладно, я спать, а то что-то мутит.

Удивительно, но свет в помещении выключался по хлопку. Так что сведя ладони вместе, Дирг погрузил нашу обитель в самую настоящую мглу. Все же ночи здесь, на севере, намного темнее, а я уже в Нимии как-то по привычке к вечному сиянию луны.

– Кстати, лужа-то высохла уже.

– Так ты ее рубашкой на отлично протер.

– Ага. Видать, так оно и было.

Утро встретило меня ударом солнечного луча в глаз. Стойко выдержав эту атаку, я поднялся с кровати, нацепил просушенную одежду и уставился на стол. Там каким-то неведомым образом появились несколько листов пергамента общим количеством – четыре штуки. Один – обладавший кучей подписей, печатей и сильным магическим фоном – служил пропуском в самые дальние закутки библиотеки. Два других мне надлежало передать в деканат, ну а последний маленький клочок содержал приглашение на завтрак в дом самого заведующего кафедры.

– Дирг? – окликнул я лежебоку.

Тот, высунувшись из-под одеяла, окинул мир тусклым взглядом и снова вернулся в свое убежище. Не стерпев факт игнорирования себя любимого, я подошел к небольшому столику, налил в стакан воды из графина, но, сравнив две емкости, опрокинул на рыжего сам графин.

- А-а-а! – вскричал парень и, неудачно вскочив, рухнул на пол. – Ты чего творишь?!
- Да мне вот показалось, что ты сознание потерял.
- Ха-ха-ха, – передразнил отряхивающийся приятель. – Все. Уел. Квиты?
- Если расскажешь, видел ли ты кого ночью.
- Конечно видел. Эх. Ты бы знал, что у нее была за фигурка...
- Да мне по боку твои розовые грезы! Ты мне лучше скажи, к нам кто-нибудь заходил?
- Вроде нет. Я бы точно проснулся, если б кто дверь открыл.
- Вот и я о том же.

Оставив соседа вытираться, я вернулся к столу и, закинув бумаги в сумку, побрел к выходу.

В коридоре было пустынно, как на главной площади после празднования Смены цикла, читай – местного Нового года. Все же сегодня первый день выходных и большинство студюзусов этого общежития отсыпалось после вчерашних гуляний. Дойдя до душевой, я повесил одежду с сумкой на крючок и быстренько ополоснулся. Холодная, даже ледяная, вода привела меня в чувство и прояснила заспанный разум. Потом на скорую руку я почистил зубы, непрерывно сплевывая вяжущий порошок, видно, нужно будет съездить за город и собрать нужной травы. В общем, закончив с утренним туалетом, я отправился к воротам.

И все же меня иногда потрясают маги. Вот хочешь – ломай голову, хочешь – считай это совпадением. Но как так получилось, что заведующий оставил мне приглашение на завтрак именно тогда, когда по случайному стечению обстоятельств в моем кармане оказался неиспользованный пропуск за территорию академии? Хотя глупо полагать, будто эти самые пропуска не снабжены каким-нибудь особым контролирующим заклинанием. Но в то же время, может, сумасшедшему чертильщику просто взбрело в голову позавтракать в компании студента. Впрочем, да, звучит уж слишком натянуто.

Погода уже неотвратимо испортилась. Дул северный ветер, грозя со временем принести с собой промозглый холод и дожди. На небе прибавилось облаков, не тех пушистых белых аморфных скоплений влаги, а серых и тусклых тучек, уныло бороздящих небесный океан. Листья дрожали на деревьях в ожидании, когда силы окончательно их покинут и, сменив зеленый окрас на закатный, оранжево-золотистый, они слетят на землю, чтобы пропасть под ногами вечно спешащих студюзусов.

У ворот в этот раз стояли два совершенно незнакомых мне парня. У одного на лице было крупными буквами написано – боевик, другой же – какой-то странноватый, с бегаящими глазами. Предъявив им бумагу, я вышел в город и тут же поймал извозчика. За десяток медных монет он довез меня по указанному адресу и, пожелав приятного дня, укатил вниз по улице.

А неплохо так маги устраиваются. Вон у той же Нейлы домик – закачаешься, а здесь натурально хоромы. Это уже даже не дом, а целая усадьба. Высокий забор из белокаменной кладки, опять же искусно выкованные ворота с позолоченными элементами. Оглядев себя, я немного застыдился, но, собравшись с духом, несколько раз ударил молоточком по колоколу, подвешенному рядом с входом.

Спустя пару минут ко мне вышел крепкий старичок с уверенными движениями и стальными глазами. По походке в нем сразу обозначился боевой кавалерист, их я видел не так уж и много за свою жизнь, но определить смог.

– С кем имею честь? – спросил он.

– Тим Ройс, – отчеканил я, привычно вытягиваясь по струнке. Уж и не знаю, «отвяжется» ли от меня когда-нибудь эта привычка. – Прибыл согласно данному распоряжению.

Офицер в отставке, поправив монокль – зуб даю, артефакт какой, – внимательно изучил приглашение на завтрак. Затем он еще раз взглянул на меня, но все же открыл створки ворот.

– Проходите, – сказал он, освобождая мне дорогу. – Вас уже ждут.

Правая рука машинально дернулась к сердцу, но я вовремя остановил этот порыв. Впрочем, и это не минуло внимания въедливого дворецкого: на мгновение вокруг уголков его губ появилась тонкая сеточка, но уже удар сердца спустя лицо подернулось все той же холодной маской.

Затворив ворота, старик повел меня через сад. И если сад Колдуньи источал тепло и уют, то здесь присутствовала некая вычурность. Все выглядело уж слишком представительно. Фигурные кусты, изображающие различных животных, строгие клумбы с, казалось бы, разными цветами были выдержаны в одной цветовой гамме. Да и мощеная дорожка, ведущая к крыльцу, если так можно назвать богато украшенную колоннаду, была буквально по линейке вымерена так, чтобы линии стыков не отходили ни на миллиметр. В общем, в этом месте чувствовалась некая искусственность, хоть и не лишенная своей строгой красоты.

Внутреннее убранство дома я рассмотреть не смог, меня буквально под ручку довели до обеденной залы, где во главе длинного стола уже восседал господин Сонмар.

– Профессор, – хотел я было задать волнующий меня вопрос, но старый пройдоха поднял руку и указал мне на стул, стоявший на противоположном конце абсурдно длинного стола.

Не став спорить, я принял прощальный поклон дворецкого и сел на предложенное место. Вскоре в зал зашла молодая служанка, чью внешность было довольно сложно оценить из-за белого фартука, повязки и прочих атрибутов представительниц данной профессии. Предомной поставили ароматную кашу, поднос с хлебом и кувшинчик, полный ароматного напитка. Если не ошибаюсь – дальнего родича земного киселя.

Сонмар взял серебряную ложку и попробовал кашу.

– Речь бывает сладка, как мед, – сказал он, запивая кушанье киселем. – Но все же если одновременно есть мед и говорить, то вкус притупится и человек его вряд ли запомнит.

Больше за столом мы не проронили ни слова. Возможно, к концу обучения я тоже сойду с ума и буду говорить полунамеками, разбавленными добротными загадками, обладающими двойным, а то и тройным дном, но, боги, эта каша просто великолепна. И если бы мне прямо сейчас сказали «женись или смерть», я бы, не раздумывая, побежал с предложением к местной поварихе. В случае если же автором этого шедевра окажется мужчина, то я буду не прочь выпить с ним чарку-другую и умыкнуть рецептик. Когда трапеза была закончена, Сонмар пригласил меня в свой кабинет.

Небольшое помещение было обставлено в рамках функциональности. Стол из не самой дорогой породы дерева обладал доброй сотней всяких ящичков. На окнах не имелось золотого или иного так популярного в столице орнамента. На полках стояли книги с уже давно истреппавшимися обложками. Это говорило о том, что стоят они здесь не ради украшения, а ими действительно пользуются, причем очень часто. И единственное, что выбивалось из общей картины некоего аскетизма – просто шикарные кресла, в одном из которых сейчас сидел я, чувствуя, будто припарковал пятую точку на пушистом облаке.

– Спрашивайте, – кивнул мне Сонмар.

Вздыхнув, я собрался с духом, решив, что отступать уже поздно.

– Я благодарен за очень вкусную кашу, но зачем вам понадобилось вызывать меня к себе?

– Я ценю свое время, да и ваше тоже, так что обойдемся без глупых вопросов, на которые вы уже знаете ответ. Лучше спросите то, что вас действительно интересует.

– Как эти бумаги появились в запертой комнате? – спросил я, выкладывая на стол листы пергамента.

– Правильный вопрос, – не меняясь в лице, кивнул наставник и развернулся к окну. Это у него привычка такая, что ли? Разговаривать и одновременно смотреть куда-то в совершенно другую сторону. – Это и станет вашим первым заданием. Разберешься в этой ситуации, а на следующие выходные представишь мне ответ.

Я не очень-то удивился тому, что Сонмар обратился ко мне на ты. Все же он сам вызвался стать моим учителем.

– Теперь о главном, – продолжал он. – Я поговорил с нужными людьми, чинить препоны тебе никто не будет. В библиотеке сможете хоть ночевать, разве что еду туда приносить не советую. Заведующая явно будет этим недовольна, она и так чуть меня на круг перерождений не отправила с подобными просьбами.

– Спасибо.

– О, не стоит, молодой человек, не стоит. Вы еще не знаете, на что подписались, впрочем, это уже и неважно. Кстати, – он выудил из стола тугой кожаный мешочек и положил на стол, – вот этого хватит на пару сезонов.

– Учитель, – обратился я к Сонмару, думая, что он меня одернет, но старик все продолжал смотреть в окно. – Насколько мне известно, первая стипендия выплачивается по итогам первых экзаменов в конце первого семестра.

– Я не настолько влиятелен, чтобы позволить себе ученика, одетого хуже, чем рыночный попрошайка.

Мне удалось не вспылить лишь потому, что я не чувствовал ни злобы, ни попытки унижить, скорее – простую констатацию факта.

– И все же мне придется отказаться, – покачал я головой, отодвигая от себя заманчиво позвякивающий кошелек. – Я как раз сейчас ищу работу и в скором времени смогу сменить так волнующий вас гардероб.

Сонмар повернулся, смерил меня взглядом и снова повернулся к окну.

– Сегодня вечером к тебе зайдет человек по этому вопросу. Поговоришь с ним. И это не обсуждается. – Последнее учитель произнес с таким нажимом, что я невольно вжался в спинку. – Теперь же самое главное. Как ты считаешь, что полезнее в смертельном бою – одно копьё или тысяча стрелок?

Если честно, ни то и ни другое. Копьё слишком своенравное оружие и предназначено только для сшибки в открытом пространстве. В том же коридоре человек с копьем в руках будет обречен на скорую гибель. С иголками ситуация диаметрально противоположная, на улице ты с ними ничего не сделаешь, разве что метнешь парочку из-за угла, но вот в помещении... Так что пришлось отвечать как есть.

– Не знаю.

– Правильный ответ. – Главный чертильщик империи повернулся в мою сторону, и мы встретились взглядом. В его безумно старых глазах плескалось нечто такое, чему я до сих пор не мог найти определения. – Дай мне свою руку, Тим.

Немного помедлив, я все же протянул ладонь, и Сонмар необычайно быстро для своего возраста стиснул ее в крепком рукопожатии. Секунда – и меня будто пронзила та самая тысяча иголок. Отдернув ладонь, я уставился на сложный магический круг у себя на ладони. Количество символов на этой фиговине было столь велико, что они у меня просто сливались в одно пятно, и не стоит забывать про различные геометрические фигуры и прочие атрибуты чертильного искусства.

– Что за...

– Чтобы научиться управлять силой, нужны тяжелые испытания и упражнения, но чтобы обучиться слабости, нужно стать еще слабее. Эта метка ограничит твой и без того скудный резерв примерно в пять раз.

– Да я даже круг активировать не смогу!

– Магия – это не клинок, мой новый ученик, магия – это река, вечно текущая и изви- вающаяся под влиянием земли. Земля – это твердь, меняющаяся под влиянием воздушных потоков. Ветра – это жизнь, которой управляет вода и огонь. А жизнь – это все и ничего вкуне

со смертью. Пока ты этого не поймешь и не сможешь применять это знание, то и активация тебе не понадобится.

– Но как же я смогу применить знание, если не могу магичить? – все не сдавался я.

И тут Сонмар посмотрел на меня с некой жалостью, так обычно человек смотрит на несмышленного ребенка, который что-то отчаянно пытается ему доказать.

– Вот я и говорю – ты еще ничего не понял.

На этом наш разговор был закончен. Мне выдали пропуск, и внезапно появившийся дворецкий сопровождал меня на улицу. Захлопнулись стальные ворота, и я остался в полном одиночестве стоять, кутаясь в обноски, спасаясь от поднявшегося ветра. В кармане еще лежали несколько медных монеток, так что я решил, что не стану студить свои кости на этой поголке, а лучше найму кэб.

И снова деньги перекечевали в лапу извозчика, и мы покатили в сторону академии. За окном мелькали люди, обгоняемые одинокими всадниками или богато украшенными каретами. М-да. Вот так поступил в академию. Взрывы какие-то, больницы, сумасшедшие наставники, Колдунья, чудной сосед с ненормальной семейкой и леди, всем сердцем желающая мне самых страшных пыток. Вот что-то мне подсказывает, что на войне было спокойнее. Там я хотя бы знал, кто враг, а кто свой. Здесь же сам демон рога сломит. Ничего не разбирая, я просто бреду, гонимый непреодолимой силой обстоятельств. И видят боги, мне такая ситуация не по душе, ведь спину все еще тяготит невыплаченный долг.

Глава 4. «Нет времени на время»

Поставив точку в очередном переводе, я потянулся, закинул ноги на стол и потянулся к кружке с чаем. За окном творилось нечто невероятное. Сегодня метель не просто бушевала, она ярилась подобно горному великану, которому ударили по самому драгоценному, и это отнюдь не голова. Штормовой ветер, поднимая целые сугробы в воздух, стучал в окна и выламывал козырьки с дворов. Но это, казалось, нисколько не беспокоило обывателей. Кутаясь в крепкие тулупы, шубы или полушубки – у кого на что денег хватало, – разумные все так же ходили по улицам, вернее по тем узким дорожкам, в которые превратились некогда широкие проспекты. Порой в самых неудачных местах высота сугробов поднималась до полутора метров, и те же гномы превращались в комичные холмики, плывущие по бесконечной белой реке. Прошло уже четыре месяца с тех пор, как я работаю в банке «Гастон и сыновья». Учитель, как и обещал, похлопотал в тот день, но вечером в нашей с Диргом комнате объявился вовсе не человек, а самый натуральный гном. И что самое удивительное, это был не абы кто, а лично управляющий местного отделения. Мы с ним имели весьма занимательную беседу, итог – несколько пустых бутылок и подписанный контракт. Не то чтобы я стал заправским алкоголиком, но гнома без градуса не понять.

Работа была не очень-то и пыльная. Сижу себе в кабинете да перевожу различные тексты. Начинал с небольших предписаний и прочих документов, но вскоре мне стало попросту скучно. Я попросил что-то сложнее и где-то через два месяца уже переводил тексты с десяти языков. А к моей копилке «свободное владение» прибавился язык дроу. Итого в моем активе теперь – имперский, гномий, восточный и темно-эльфийский диалект, ну и еще около дюжины языков, которые я мог понимать и с которых переводил, вооружившись словарями. Наверное, вы спросите, почему я не выучил их все, обладая абсолютной памятью. Ответ прост: какая бы память ни была, но язык – это не только набор символов, язык – это культура, традиции, нравы и обычаи, законы и поверья, легенды и были народов. И дроу поддался мне лишь потому, что в последнее время это наречие я все чаще использовал, просиживая штаны в библиотеке. Но обо всем по порядку.

И именно эта работа ответила на актуальный вопрос – сойду ли я с ума. Ответ будет – нет, не сойду. Да и сами чертильщики далеки от сумасшедших. Просто их образ мышления кардинально отличается от общепринятого. Например, средний разумный мыслит образами и речью, причем речь преобладает над образами. А у моих коллег мыслеречь в принципе отсутствует, так что в голове у них одна лишь картинка и ничего более. Если честно, мне такое даже представить трудно. А уж как им тогда должно быть сложно общаться нормальным языком... Благо эта участь минует меня, спасибо абсолютной памяти. Просто дело в том, что у чертильщиков невероятный объем знаний в языках и символах, которые используются для вызова того или иного явления, и когда все это наслаивается, происходит буквально локальный коллапс мышления. Это и объясняет поведение наставника: ему проще разговаривать, когда перед глазами есть хоть какая-нибудь картинка.

Насчет же самой работы, то платили гномы весьма щедро, ну, со своей особой точки зрения. А так за четыре часа в день я получал три золотых в месяц. Мало по меркам воина и средненько для обычного горожанина. Кстати, первая зарплата в принципе не задержалась в моем кошельке. Как только наставник прознал (а этот старый перечник прознает обо всем в самые короткие сроки) о том, что я получил первый оклад, он ввел дресс-код. Пришлось идти по лавкам, и как-то само собой у меня образовался хвост из трех особ. Дирг, терзающий Норман своим пылким взглядом, но милая девушка пока удовлетворяет его лишь загадочными улыбками. Сама Норман, сменившая гнев на ехидные подколки, и Рейла, которую с недавних пор мне было разрешено величать Лейлой. Особой разницы я не видел и поэтому часто путал

первые буквы, чем вызывал надутые губки и обещания страшной обиды, впрочем, обещания оставались обещаниями.

Вот таким составом наша группа ураганом пронеслась по модным бутикам столицы, увы, но приборахлились в них только друзья, мне же пришлось закупаться в более дешевых заведениях. Но, так или иначе, после этого похода у меня осталось лишь десять серебряных. Зато в сумке покоилось несколько шелковых рубаш, пара жилеток, штаны, да я даже фехтовальные перчатки с сапогами купил. Признаюсь, перчатки были куплены, лишь чтобы скрыть печать, поставленную заботливым наставником.

– Тим, тебя тут твои друзья ищут, – прозвучал девичий голосок из резной статуэтки, изображающей голову попугая.

– Буду минут через пять, – ответил я, нажав на клюв экзотичной птицы.

– Хорошо, я передам, – и Лия оборвала связь.

И здесь появляется десяток вопросов. Возможно, самый животрепещущий – почему у меня на столе разговаривающий попугай, но стоит начать с другого. Лия, племянница управляющего, подрабатывает в банке на должности, сравнимой с земной секретаршей. Милая девушка двадцати трех лет, правда, из-за своего роста и гномьей комплекции выглядит лишь на шестнадцать, из-за этого весьма сильно страдает, хоть и пытается скрыть сей факт. Вообще она девушка весьма недурственной внешности, но оценить это могут лишь выходцы из общины полуросликов, коих сама Лия величает «бородатыми животными». Ну а городские принимают гномку за человеческую малолетку. А связываться с такими – одни проблемы, ибо если все пойдет как надо, то либо женись, либо в армию, подальше от разгневанного папаши, недовольного «порчей имущества». Ну а когда к ней пристают безусые мальцы, то она бежит ко мне и просит сварганить ей какой-нибудь амулет, отпугивающий жертв пубертатного периода. Но каждый раз уходит ни с чем, ведь не все чертильщики хорошие артефактики, хотя вру, все, конечно, но я, как обычно, оказался в графе «исключения». Мне не хватает ни сил, ни опыта, ни усидчивости для такой работы.

Теперь, раз уж речь зашла об артефактах, пришло время вспомнить про Кешу, десятисантиметрового попугая. Происхождением этот амулет дальней связи обязан нашим, имперским, мастерам артефактного дела. Примерно три сезона назад они создали первую печать, позволяющую передавать речь на расстояние, еще сезон ушел на интеграцию этого великолепия в приемлемый носитель. Понятное дело, что как бы ни хранили информацию о революционном открытии, но она все равно просочилась за бугор, и столицу прямо-таки наводнили разные серые личности. Серые для большинства и очень даже цветные для меня. Боги не дадут соврать, я примерно две декады не мог спокойно дойти до работы. Постоянно на глаза попадались шпионы местного разлива. Но, как это ни странно, информация так и не просачивалась, какие-то обрывки – да, однако в целом враги остались с носом.

Ну и понятное дело, что полевые испытания артефакта проходили действительно на поле, правда, не на имперском, а в местах не столь отдаленных – в Нимии. Надо отдать должное нашим генералам, они с толком использовали полученное преимущество, и уже через сезон в столице прошло грандиозное празднование самой быстрой войны за последние два века, ну и первой крупной победы имперцев за последние три. Хотя с этой самой победы страна поимела не так уж и много – пару деревень на окраине, одну крепость и средненькую контрибуцию. Это все, на что могла претендовать страна с уставшим и израненным войском, да и магов перебрело немало, а восстанавливаются они от полугода до двух, в зависимости от личных характеристик. Я вон вообще за две недели в строй встал, но то я – попаданец, мне по определению положено удивлять всех своими невероятными способностями, красотой, шармом, деньгами, властью и силой. И пофиг, что ничего из вышеперечисленного я не имею, удивлять-то все равно надо.

Вот таким образом мы и подобрались к появлению на рабочем столе этого самого попугайчика. Наш управляющий, быстренько смекнув, что такой артефакт – это не только удобная в обиходе вещичка, но еще и статусный предмет, взял и сделал крупный заказ, благо к этому времени амулеты связи можно было купить практически в любой лавке. По счастливой случайности в тот знаменательный день я закрывал сделку, вернее выступал в роли переводчика, закрывающего сделки, но не суть. Управляющий решил, что сделка прошла удачно и поэтому, откупорив по традиции бутылочку настойки, он разлил содержимое по двум кубкам. Почему по двум? Да просто остальные участники, зная обычаи гномов-финансистов, смылись куда подальше, оставив мою печень прикрывать стратегическое отступление, читай – бегство.

Настойка пошла хорошо, а я смог вызвать добродушную улыбку, спрятанную глубоко в бороде. Гном никак не ожидал от человека такой устойчивости к алкоголю. Ну-ну, господин управляющий просто никогда раньше не пил с наемниками. А мы люди такие: нам бутылку поставь, так потом у себя в схроне нескольких бочек недосчитаешься. И дело вовсе не в том, что все работники свободного меча – это сброд и отребье. Нет, здесь сыграла свою роль обратная логика. Если пьет – значит, мусор и нищерброд, хотя все не так, пьет – потому что по-другому никак. Это у служивых строгая дисциплина, следящие офицеры, устав и так далее. А что у нас? А у нас все иначе. Вот видит офицер, что отряд гоняет шлем по кругу, так он не станет экспроприировать горючую жидкость или устраивать перманентные разборки, доносить сотнику, или того хуже – выписывать порку за распитие спиртного на службе. Нет, он поздоровается, сядет с к костру, втравит пару бак за жизнь, отхлебнет из шлема, а на следующее утро, проспавшись, отметелит старшего в отряде. Тот отметелит подопечных, а подопечные подшутят над офицером, и через неделю цикл повторится. И это вовсе не потому, что все мы из себя такие разбойники, а просто потому, что у пушечного мяса нет других поводов снять стресс, знай себе прикалывайся. Пусть даже зло и с вредом для здоровья, бей рожу в кровь, так чтобы к целителям, пей, пока не отрубись, ну и к приписным не забывай наведываться, а иначе все – край: либо в себя уйдешь, что смертью пахнет однозначно, либо в бою струхнешь, что тоже смерть, но не только для тебя, а для всего отряда. И кто в наемниках не ходил, тот настоящей службы не знал, такой чтобы до конца, чтобы кости трещали, а нервы скрипели, как лютня пропавшего менестреля. Но это все лирика, а речь-то о попугаях.

Так вот, загубив бутылку настойки без какой-либо закуси, гном предложил мне прогуляться до ближайшей лавки, где он планировал сделать крупный заказ. Признаюсь, к этому моменту я уже чуть захмелел, но на прогулку согласился. Все же меня терзали амбиции, ведь до этого момента босс меня фактически не замечал, а тут проявил внимание, был шанс заслужить уважение и завести полезные знакомства. Увы, тогда я еще не знал, что такое уважение гнома-банкира, но об этом после.

Артефактик оказался мужиком правильным, с понятием, о том как ведут дела гномы, он знал и был всеми руками «за». Понятное дело, мы выпили еще раз, благо в этот раз на троих, но опять же без закуси. К середине дня меня уже прилично мутило, да и сам гном хоть и был «стекл, как трезвышко», но с его лица уже не сходила улыбка. В общем, слово за слово мастер предложил нам сделать индивидуальную работу, не тот стандартный медальон-кругляш, а какую-нибудь эдакую форму для хранилища печати. Гном, понятное дело, выбрал себе молот, ну а я, выхватив из сумки лист пергамента, сделал набросок и через два дня стал счастливым обладателем двух попугаев, один из которых теперь стоит на столе моей секретарши. И это явилось моим первым шагом на пути к уважению в данном заведении.

Следующим моментом для меня стало железное правило соблюдения критериев, и главное здесь – не воруй и не просто не обсчитывай клиентов, а не смей даже пера казенного из помещения выносить. Но с этим никаких проблем не возникло, Добряк крепко вбил в мою голову, что мелкое воровство – это позор для нашего искусства. Если по-крупному, казну там имперскую или хранилище Рода, то вперед, а с мелочью, всящей меньше десяти килограмм

золота, это вон к гильдии. Собственно, тот разумный, кто мог справиться с искушением, уже возвышался в глазах гнома. Потом следовал профессионализм, ну, мои переводы всегда отличались повышенной точностью. Так же немаловажна была и пунктуальность, опять же возведенная в абсолют: опоздал на минуту – считай, плюнул в лицо боссу. Так что как бы ни складывалась моя студенческая жизнь, но на работу я всегда приходил на полчаса раньше и уходил на час позже, хотя последнее было вызвано несколько иными обстоятельствами.

Ну и одно из самого важного, связанного напрямую с древнейшими традициями полуросликов – умение пить, и если вы считаете себя знатоком этого дела, но прежде никогда не садились за один стол с бородатым представителем подгорного царства, спешу вас огорчить: вы ни демона не ведаете о выпивке. Увы, я считал себя умеющим. Поворотным моментом сей истории стало событие двухдекадной давности, и при упоминании того дня, вернее трех очень трудных дней, я до сих пор начинаю зеленеть и рыскать глазами в поисках ближайших кустов. А начиналось все довольно безобидно. В один пасмурный, но тем не менее погожий денек управляющий вызвал меня к себе. Я тогда пытался вспомнить, в чем же так сильно провинился, что меня на ковер вызвали, но дело было в другом. Гном протянул мне лист, в котором было сказано, что по особым причинам, не поддающимся оглашению, я вынужден отсутствовать на занятиях. Графа, где указывались сроки действия универсального пропуска, была пропущена, хотя внизу красовалась подпись и личная печать учителя. На мой вопрос, что за кипиш, гном лишь велел следовать за собой.

Далеко идти не пришлось, все же банк в центре города. И как-то так получилось, что здесь мои воспоминания весьма обрывочны. Помню, как заходили в самую богатую гостиницу столицы, помню, как заказывали обеденный зал, в котором и проходила сделка, я, понятное дело, выступал на ней в роли переводчика. Всего от банка пришло пять разумных – четыре полурослика и один студиозус. Через полчаса в зале появились и другие представители людского племени, являющиеся второй стороной. Там было что-то около десяти человек, все благородные, все люди одного из герцогов, что очень недурственно поднялся на недавней войне и теперь стремился вложиться и потратиться.

Процесс начался с обильного завтрака-обеда-ужина. И когда все наелись от пуза, пошел рутинный торг, затянувшийся до поздней ночи, но в итоге все остались довольны. Герцог считал, что выиграл немного процентов со сделки, а гном подсчитывал барыши с того, как он ловко обхитрил наивного человечка. Но золото золотом, а традиции традициями. Сделка была чрезвычайно крупной, и поэтому отмечали ее так же – по-крупному. В залу выкатили три бочки настойки, на столе снова появились различные кушанья, откуда ни возьмись в дальнем углу возникли барды с менестрелями, а свободную площадку заняли танцовщицы.

Все выпили, отказаться – смертельно оскорбить гномов, – закусили, благо было чем, снова выпили. Потом стали приставать к танцовщицам, приставали вроде не очень грубо, но леди все равно нас покинули, так и не осчастливив никого согласием на весьма неприкрытые намеки. Снова выпили, уже не закусывали, но тосты поднимали. С этого момента у меня в голове легкий туман, правда, все же память пока не подводит. Когда первая бочка была пуста на три четверти, нам показалось, что музыка играет слишком тихо, попросили прибавить. Снова не понравилось, снова выпили, потом стали приставать к музыкантам, уже весьма грубо и совсем с другими предложениями. Потом была драка, в которой герцог получил фингал, но все же победа оказалась на нашей стороне и горе-менестрели, собрав щепки, некогда бывшие их инструментами, убрались вслед за танцовщицами.

Снова выпили, уже без тостов. Пустую бочку, занимавшую, как нам казалось, слишком много места, выкинули в окно. Потом туман. Дальнейшее воспоминание – как мы пьем все в том же зале в обнимку с офицером стражи, управляющим и герцогом. Так мы вчетвером прикончили еще несколько чарок. Снова провал, и вот мы уже всей гурьбой, человек тридцать, поем какие-то песни. Опять темнота. Приехали гвардейцы герцога, попытались забрать

нанимателя. Была драка, потом выпили, герцог уехал, вернее его выносили слегка пьяные гвардейцы. Темнота, почему-то ночь еще не кончалась, в зале народу уже почти нет, лишь мы впятером, гномы да я. Все еще пьем. Снова провал. Я стою напротив управляющего без рубахи и ботинок, в одних штанах, гном тоже скинул все ненужное. В общем, мы поспорили, кто сильнее на кулаках. И вот что я помню точно – как меня знатно отметелили. Самого полурослика я задел всего пару раз, но все же не сдался, хотя мое лицо уже было больше похоже на чернослив. Потом снова провал. Очнулся я у себя в комнате, все тело болело, голова трещала, а легкие наполнялись неизвестным смрадом. Оглядевшись, я пришел к выводу, что все то время, пока я самозабвенно дрых, организм пытался избавиться от той гадости, что я в него вливал, итогом стали заблеванная кровать и пол. Сил хватило лишь на то, чтобы прибраться, потом снова отрубился. Проснулся оттого, что лоб нещадно жгло холодом. Открыв глаза, я увидел три до боли знакомых физиономии: Лейла прикладывала мне компрессы, Дирг где-то раздобыл слабенькое вино и отпаивал им меня, ну а Норман соизволила не портить атмосферу своими ехидными уколами. Именно в тот момент я осознал, что могу считать этих людей своими друзьями.

На работу я пришел лишь через три дня. Лицо все еще напоминало один сплошной синяк, а из еды кроме каши и супов я ничего не ел. Управляющий, казалось, ждал меня, так как под сочувственный взгляд Лии вызвал меня к себе. Оказалось, что гнома я задел ровно три раза, и все три раза я попал прямым правым прямо в левый глаз бородача. В тот знаменательный день начальник впервые налил мне обычного чаю и тогда же расщедрился на крепкое рукопожатие и заверение в том, что я один из самых достойных представителей человечества. Допив чай, я вернулся к себе на рабочее место и с чувством выполненного долга погрузился в ежедневную рутину.

– Тим, ты спустишься уже или нет? – донеслось из амулета. – А то меня твои друзья сейчас растерзают.

– Уже в пути, – откликнулся я.

За окном все так же мело, и если не всматриваться, казалось, будто стекло обволокло белое махровое полотенце. Поднявшись со стула, я с наслаждением потянулся и еще раз оглядел кабинет. М-да, а раньше это помещение выглядело совсем непрезентабельно. Стол, стул да полка. Сейчас же здесь была фактически лаборатория сумасшедшего ученого. На бесконечных плоскостях в хаотичном беспорядке валялись исписанные листы пергамента, стопки книг подпирали потолок, а в дальнем углу покоились бесчисленные колбы, пробирки и различные алхимические аппараты. Последнее я использовал не только для изготовления особых чернил...

Откопав среди всего этого великолепия сумку, я убрал туда свое перо и дневник, который я стал вести после недавних событий: память, увы, теперь не столь надежна, как раньше. Чернильница также нашла свое пристанище в одном из кармашков. Удовлетворившись внешним видом, я прошел по маленькой тропинке, ведущей к выходу. Приоткрыв дверь, я на мгновение замер и обернулся. Хотя и не домосед, да и никогда не мечтал об офисной работе, но этот уютный кабинет стал для меня родным.

– Ро-ойс!! – грохнул знакомый бас.

Захлопнув дверь, я пробежался по коридору, чуть не сбив с ног непонятно откуда появившегося управляющего. Извинившись, я продолжил забег. Последним препятствием на пути стала крутая винтовая лестница. Секунду поразмыслив, я махнул рукой и с криком «Поберегись!» сел на перила и заскользил вниз.

Увы, лестница вела прямо в холл, так что немногочисленные посетители стали свидетелями вольной акробатической программы. Когда «рельсы» подошли к концу, Тим-экспресс совершил головокружительный прыжок через правое плечо и, сделав оборот на все триста шестьдесят, упал на обе лапы. Зрители на овации не расщедрились, впрочем, меня это несколько не смутило. Сняв шляпу, я поклонился и прошел к друзьям.

– Без этого никак? – нахмурилась Лейла.

Сегодня она была великолепна как никогда. Каштановые волосы волнами ниспадали с плеч, на которых покоилась накидка из меха снежного барса. Руки обтянуты перчатками того же цвета, но на запястье красовался браслет из небесных изумрудов. Это привычные для нас зеленые камешки, вот только где-то в глубине, если присмотреться, пляшут синие огоньки. И вроде за один самый маленький камешек на рынке можно выручить мою годовую зарплату. А платье у нашей красавицы было сшито из шелка, привезенного с дальнего востока, и, несмотря на все его великолепие, мне иногда становилось дурно от одной лишь прикидки цены данного шедевра. Хотя взгляд то и дело скользил по выразительным округлостям, глубокому декольте и подчеркнутой фигуре.

– Ты чего так долго? – прищурилась Норман.

Сегодня девушка из милой девочки превратилась в настоящую красавицу, хотя подруге она все равно проигрывала. Но вот в ее темно-серых глазах даже я иногда находил глубокий омут, в котором хотелось тонуть и всплывать. Белую кожу подчеркивали иссиня-черное платье и ожерелье с крупными агатами. Вечно радостная Лиза превратилась в настоящую строгую королеву ночи.

– Научишь? – улыбнулся Дирг.

Вот, свой человек. Никогда не опустится до общепринятой моды, в которой мужские костюмы обогатились доброй сотней всяких рюшечек, вырезов, складок и прочих атрибутов слабожопого пола. Мой сосед, как всегда, по торжественному случаю надел строгий полувойенный черный фрак, на широкий пояс нацепил парадные ножны, а в правой руке придерживал белые перчатки, трость и шляпу в тон.

– Нет. Дела. В любое время, – протараторил я.

Друзья уставились на меня со слегка приподнятыми бровями.

– Это я на все три вопроса ответил, – пояснил я. – По порядку, так сказать.

Ребята только вздохнули и сделали неопределенные жесты, мол, чего еще ждать от чертильщика. Выстроившись в линию, где девушки оказались по центру, а я с рыжим по краям, мы сцепили руки и, чеканя шаг, высоко задрав голову и растягивая улыбки, прошествовали к выходу. Честь открыть дверь досталась Диргу, и он, как и следовало ожидать, пропустил дам, а мне успел поставить подножку, впрочем, я избежал участи бухнуться лицом в сугроб, но выверт не забыл и без оплаты не оставляю.

– Удачно повеселиться, – прозвенел нежный, как весенний ручеек, голос Лии, и мир погрузился в кутерьму и шум метели.

Прикрываясь от бушующего ветра и острых, как иглы, снежинок, мы добежали до широкой кареты и быстренько загрузились внутрь. Плехнувшись на обитый красным ситцем диванчик, я отряхнулся от снега и проверил сумку. Пронесло. Ткань хоть и успела промокнуть, но содержимое не пострадало, и что самое важное – цел остался и дневник. В этой маленькой книжечке я хранил не только отдельные идеи и важные воспоминания, но и наброски различных рецептов особых чернил собственного приготовления. А еще несколько рецептов различных ядов и лекарств, которые я составил благодаря возросшей базе знаний различных трав. Также здесь был и список ингредиентов для нового чая-релаксанта, лишённого побочных эффектов добряковского аналога. Ну и конечно же, добрая половина была отведена под бесконечные расчеты множества печатей. Сам я пока ни одну из них активировать не мог, но это не мешало заниматься теоретическими изысканиями. И надо признать, я находил некоторое удовольствие в перелопачивании тонны литературы и составлении всего одной простейшей конструкции, которую Сонмар потом обзывал продуктом бездарности и посредственности, а также прямым упреком его преподавательским талантам.

– Признаться, я удивлена, что ты решил отправиться вместе с нами, – усмехнулась Норман.

– Прости меня, что разбил твои хрустальные иллюзии, – не остался я в долгу и добавил в голос тонну-другую смертельно опасного яда. – Но даже самые закоренелые деревенщины не откажутся посетить Императорский концертный зал!

– Особенно если билет достался на халяву, – не сдавалась девушка.

– Это был один из немаловажных факторов, – пожал плечами я.

Ребята переглянулись, и мы все вместе дружно засмеялись, чем вызвали недовольное бурчание извозчика, слышное даже из-за стены. Ему-то сейчас не до смеха: укутанный в добрый десяток шуб, он дрожащими руками держал в руках поводья. Даже тем же лошадям теплее, они-то хоть бегут. Троица начала что-то бурно обсуждать. Кажется, последние дворцовые интриги, чьи-то любовные похождения и победы на этом поприще, некоторые громкие скандалы и даже парочку дуэлей, хотя в данном случае Дирг вел монолог. Не был забыт и приближающийся турнир, до которого осталось всего-то шесть сезонов. Мне оставалось только улыбаться, кивать и вовремя вставлять свой медяк в зазорный разговор. А так я больше смотрел в окно, где зачарованное стекло позволяло мне рассматривать украшенные улицы, готовые к празднику Смены цикла. Город утопал в огнях, лавки были раскрашены в яркие цвета. Везде ощущался дух праздника, и только одна социальная группа была близка к скорой покупке мыла и веревки.

Близилась зимняя сессия, а многие, вернее подавляющее большинство, было к ней категорически не готовы. Я, например, вообще плохо спал по ночам от мысли о приближающихся испытаниях. Все же практика мне не давалась ни ни в какую, а наставник ушел в отказ и не снимал с меня печать. Так что последняя надежда – набрать максимум на теории, и если я не упущу ни одного бала там, то есть еще надежда получить заветный проходной минимум общего зачета.

Благо сейчас эти мысли не терзали мое сознание, а лишь слабенко атаковали границы внимания, ведь мы ехали на оперу. Как же я оказался среди этой благородной компашки, направляющейся в центр высокой культуры? Да все очень просто. В один обычный денек, разбавленный очередной ночевкой в библиотеке, я был буквально за шкуру доставлен в наш штаб, коим стала почему-то именно наша с Диргом комната. Там уже собрались девчонки, взахлеб верещащие о нарядах, кавалерах и прочем. При моем появлении леди замолкли и окинули измазанную чернилами фигуру оценивающими взглядами. Был вынесен вердикт «непригоден», и меня, опять же за шкуру, потащили к портному, который сшил мне фрак-близнец рыжего, затем был посещен местный брадобрей, лишивший меня изысканной щетины и, о боги, справившийся с привычным вороньим гнездом на голове. После этих пыток, достойных самых дальних уголков бездны, мне был всучен пригласительный билет, подписанный самой принцессой.

Как выяснилось позже, Лейла очень тесно дружила с сестренкой Константина, которая всегда снабжала подругу пригласительными на различные культурные мероприятия. Народ ожидал, что я начну сопротивляться (было с чего – за костюм мне пришлось отдавать все с великим трудом накопленные сбережения), но я ответил полным согласием, чем вызвал всеобщее удивление, и с головой погрузился в приготовления.

Все так же поддерживая беседу, я открыл сумку и стал перелистывать исписанные страницы дневника. На одном из листов я увидел несколько тезисов, в целях конспирации написанных на русском, и стал внимательно читать. Первым (уже зачеркнутым) словом была «Слежка», дальше следовал «Сбор информации», также перечеркнутый жирной черной линией, и третий пункт – «Начало», где стоял восклицательный знак.

– А что это за язык? – спросила Лейла, перегнувшись через мое плечо.

– Один из восточных, – соврал я.

– Надо же, – протянула красавица. – Никогда не видела подобных символов.

– Есть многое, милейшая Лейла, на свете, что и не снилось нашим мудрецам, – продекламировал я.

Ребята снова уставились на меня, как на заморскую зверушку, но я только развел руками.

Вскоре карета затормозила, и Дирг, открыв дверцу, подал руку Норман. Та подобрала платье и ступила на красную ковровую дорожку. Праздник начался, а я впервые за долгое время увидел на своих плечах ладони давних спутников, с которыми так весело идти на самые грандиозные авантюры.

Глава 5. Ничто не забыто

Вслед за Норман пришлось выбирать и мне, а затем под десятком взглядов других подъехавших благородных подавать руку Лейле. Надо признать, последняя часть мне понравилась: когда на тебя завистливым взглядом смотрит добрая треть мужского сословия, это как-то поднимает самооценку. Герцогиня улыбнулась мне, кивнула и мы в две пары пошли к входу. Огромное здание концертного зала буквально утопало в огнях. Окна второго и первого этажа занавешивали бесчисленные флаги, а толпа, бесконечным потоком прибывающая к парадному входу, напоминала собой бензиновый ручей, настолько разных оттенков были наряды не только дам, но и их кавалеров.

Гудели трубы, а швейцары спешили забрать верхнюю одежду и выдать своеобразный номерок – амулет с магической меткой. Уже у самого входа я обернулся и на мгновение замер: вся площадь была усеяна каретами, как лес грибами после обильного дождя.

– Чего встал? – прошипела Лейла и ощутимо ткнула меня острым локотком под ребра.

– Ага, – только и смог вымолвить я и возобновить шаг.

Все это великолепие полностью отвечало моим представлениям о приемах в Зимнем дворце. Наверно, и у нас так же звучали фанфары, а бесконечные лакеи сновали между подъезжающими каретами.

Внутри здание тоже слепило глаза блеском, как и фасад. На стенах не было ни единого миллиметра свободного пространства, всюду висели картины, гобелены, у потолка змеились золотые орнаменты, а с него свисала огромная люстра, также обшитая золотом. Наша четверка, вручив подбежавшей обслуге верхнюю одежду, прошествовала в главный холл, где уже собралось немало народу.

Перед самыми дверями холла нас встретили двое усатых гвардейцев и еще один лакей-служка.

– Как вас представить?

– Дирг ним Гийом, – начал представлять нас Дирг. Согласно этикету говорить должен старший по титулу мужчина, и как бы ни было высоко положение Рейлы, но де-юре старшим является ее брат. – Герцогиня Рейла эл Гийом, графиня Лизбет Норман и Тим Ройс.

Лакей по ходу повествования кивал, но когда услышал последнее имя, чуть изогнул бровь и в ожидании продолжения уставился на рыжего.

– Объявляйте. – В голосе товарища слышалось некое раздражение.

Служка еще некоторое время позависал на верхних пластах астрала, пытаясь свести последствия когнитивного диссонанса к минимуму. Видимо, это ему удалось, потому как уже через полминуты в зале прогрехотали наши имена. И опять холл на некоторое время погрузился в гробовую тишину, но вскоре вновь послышались споры в мужских кружках, им вторило веселое щебетание женских, и то тут, то там звучал звон бокалов.

Когда же в зал вошла Лейла, половина присутствующих вновь замолкла. Каждый мужчина считал своим долгом поглазеть на красавицу, правда, в этот раз удовольствия для меня не было никакого. Каждый титулованный господин счел своим долгом попытаться убить меня взглядом на месте. Увы, кажется, что я один из первых простолюдинов, удостоившихся чести быть приглашенным в оперу, где собирается весь цвет не только империи, но и соседей-союзников.

– Трусись? – шепнула мне на ухо подруга, для этого ей пришлось приподняться на цыпочки и всем весом опереться на подставленную руку.

– Не совсем, – ответил я.

Лейла хихикнула и, кивнув в сторону братца, добавила:

– Бери пример с Дирга.

М-да, а сосед, кажется, наслаждался происходящим. Гордо подняв голову и откинув назад свою огненную шевелюру, он взирал на присутствующих, как лев на обезьян. То есть с легким интересом, призрением и превосходством одновременно. Девушки от такого взгляда начинали покрываться румянцем и чаще дышать, а вот у мужчин надувались желваки и скрипели зубы.

– Ну ему-то хорошо, он может и меч достать. А мне нельзя, если ты, конечно, не хочешь, чтобы твоего верного друга упекли в темницу за оскорбление благородного.

И это было чистой правдой. Сколь ни был бы я вхож в высший свет, но простолюдин не имеет права обнажать оружие супротив титулованной особы.

– Тебя это когда-нибудь останавливало? – лукаво подмигнула красавица.

– Наши тренировки с рыжим не в счет, – пожал я плечами.

Девушка надула губки и отвернулась, изображая недовольство тем, что я не поддержал шутливую перепалку.

Боги, как же велик этот зал, уже кажется, две минуты прошло, а мы все еще идем к центру, где собрались знакомые этой троицы. Вот только у меня назревает один вопрос: я-то что буду делать в обществе этих высоких господ? Вон у одного пузана общая стоимость украшений больше, чем мы вынесли из Малыгрома. А вот мимо прошествовал какой-то старик, на его груди плавно покачивался орден с крупным бриллиантом, и когда я говорю крупный, то подразумеваю махину размером с орех. Ну а про дам и вовсе говорить нечего, они блистали подобно новогодним елкам. Всех демонов бездны мне в одно место, да если выставить на пики хотя бы двух человек из этого зала, можно себе неплохо домик в южных провинциях Рагоса прикупить. Посадить виноградник там, обустроить усадьбу и жить себе, вино попивать.

– Дирг, дружище! – раздался чей-то баритон, а я вздохнул с облегчением. Все же мы добрались, и теперь я могу не обращать внимания на эти прожигающие душу взгляды.

– Элиот! – улыбнулся рыжий. – О, и несравненная Азалия здесь.

Когда мы подошли поближе, я имел честь лицезреть обычного паренька лет девятнадцати и девушку примерно того же возраста. Как и все богатые люди, они обладали внешней уверенностью, правильностью черт лица и строгой осанкой. Платье девушки не отличалось особой изысканностью, впрочем, это компенсировало ожерелье из черных бриллиантов. Ну и парнишка по имени Элиот оделся в модный нынче костюм карнавального клоуна, ну, это я его так называю.

– Господин Гийом, – расплылась в реверансе девушка с именем цветка. – Я тоже рада вас видеть. Не представите ли нам своих друзей?

Как обычно, дальше последовал сложный ритуал знакомства, но снова все это действие споткнулось на мне. Парочка обвела меня оценивающими взглядами, и если девушка еле заметно скривилась, выражая глубокую степень недовольства, то парень просто сверкнул гневными очами и в нарушение всех норм этикета не протянул мне руку. Впрочем, я и не очень стремился быть со здешними на равных, у меня немного другие цели.

– Вы подбираете нового лакея в Семью? – приподнял бровь пацан, и он действительно был даже не юношей, а пацаном, узкие плечи и холеные ручки тому доказательства.

– Ну что ты, что ты, – отмахнулся Дирг и, подмигнув собеседнику, добавил: – Это место и поныне остается вакантным.

После этой фразы на миг повисла звенящая тишина, а потом нам пришлось засмеяться, иначе данный тонкий выпад можно было бы считать оскорблением. И хоть я и не знал титулы двух представителей золотой молодежи, но все же догадывался, что не ниже приставки «ним».

– Академия все же не смогла лишить вас искрометного чувства юмора, – чуть покраснев, улыбнулась Азалия, отчего Норман побледнела еще сильнее, впрочем, это заметил лишь я, и то только потому, что смотрел в ее сторону.

– Рыжий, мелкий! – крикнули со стороны нашей Лиз.

К образующемуся кружку прошествовал некто неизвестный. Высокий и статный парень, которого по ошибке можно было бы принять за гвардейца. Он был одет в парадный мундир, обильно украшенный золотой вышивкой, а с пояса свешивались боевые ножны, хотя рукоятка оружия больше напоминала стенд драгоценностей. При каждом шаге этого странного человека раздавался характерный звон – серебряные шпоры на ботфортах позвякивали о мраморный пол.

– Герман, гуляка, а я уж думал, ты не придешь, – усмехнулся Дирг.

– Ну не мог же я пропустить этот праздник души, – развел руками Герман и ловко подхватил с подноса проходящего мимо служки бокал с шампанским. – До дна, – сказал он и одним залпом закинул в глотку алкоголь.

– Я поражаюсь твоей несдержанности, – скривился Элиот.

Герман подошел к нам и, влившись в кружок, поцеловал ручки дамам. Закончив с этим, он, наплевав на все нормы, сразу перешел к разговору.

– Что поделать, старый друг, война меняет людей. А служба в конной гвардии меняет еще и привычки.

Вот теперь все встало на свои места. Мне посчастливилось лицезреть отголосок собственного прошлого. Кажется, с этими ребятами мы пересекались после перехода Харпуда. Те еще свиньи. Никаких понятий, ведь в конной гвардии служат одни только дворяне, так что это подразделение считается элитой. По всей империи гремит слава об их непобедимости, впрочем, я не помнил, чтобы они хоть раз вступали в бой. И когда мы с ними пересеклись, то горько пожалели о том, что наемники де-юре подчиняются служивым. Наши обозы буквально обобрали «на нужды передовой». Те две декады, пока летучие отряды не набрали в зимнем лесу дичи, нам пришлось голодать и затягивать пояса.

– И где же вы воевали?

Народ повернулся в мою сторону, как будто не веря, что я еще и разговаривать умею.

– Знамо где! – засмеялся гвардеец, небось чином не младше капитана отряда, что приравнивается к нашим полковникам. – В Нимии, где ж еще.

– Насколько мне известно, в Нимийской кампании наши силы были разбиты на три фронта. Неужели конная гвардия столь славна, что успела побывать на всех?

Дирг незаметно для остальных придавил мне правую ногу, а Лейла опять заехала локотком под ребра, но я этого уже не замечал. Демоны, как же мы мечтали с парнями о том, что по возвращении набьем морды всем благородным, что отсиживались в тылу.

– Конечно, мой незнакомый друг! – Да этот парень просто светится энергией, прямо душа компании. – Наша гвардия – лучшая гвардия в мире, и за это я бы выпил чего покрепче!

– Действительно, есть тост, – кивнул я. – Почему бы не выпить за марафонцев на фронте. Теперь тишина висела дольше, а Герман несколько посерьезнел.

– Дружище, никак не пойму, на что ты намекаешь.

– В этом нет ничего странного, – я развел руками и также подхватил шампанское. – Видимо, это вредно для организма – скакать целыми днями. Ведь если я не ошибаюсь, между концами фронтов было расстояние в две декады пути. Что ж, я верю, что вы всю войну провели в седле, но в такой спешке немудрено забыть о враге.

Дирг выругался одними губами, а Норман покраснела.

– Да ты, ты! – начал надуваться Герман. – Да ты оскорбляешь не только меня, но и всю армию!

– Не всю, только конкретных ее представителей, – улыбнулся я и, подняв бокал, сказал: – И за это я выпью.

В тишине под пристальными взглядами я пригубил шампанское и вернул его на поднос.

– Не пошло, – вновь развел я руками.

Герман от двойного оскорбления закипал, как гейзер, и скоро прозвучал взрыв.

– Ах ты, тыловая крыса! – Ну вот, опустились до личностей, да и что это за обзывательство такое, у него же борода до пряжки, пора что-то новенькое придумать. – Завтра, нет сегодня я буду ждать тебя в северном парке!

– Не получится, мой друг, – ядовито скривил губы Элиот. – Если ты не хочешь прослыть подлецом, лучше не вызывай этого молодого человека.

– Почему это?!

– Разве тебе не известно, что простолюдин не имеет права обнажать меч против благородного? – делано удивился парнишка.

– Что-о-о?! – взревел Герман. Кажется, только сейчас до него дошло, что я его оскорбил. – Да я тебя...

Герман, не найдя нужные слова, сжал кулак и замахнулся. Девушки ойкнули, а Дирг даже совершил некое движение в сторону гвардейца. Все же, если бы он меня ударил, вечер был бы испорчен для всех.

– Тим! – Интересно, это сегодня будет еще долго продолжаться, чего они все орут-то?

Обернувшись, я не сразу узнал эту фигуру, вроде обычный низкий коренастый мужик с доброй саженью в плечах, только густая борода выдает в нем моего начальника. Сам управляющий, обрядившись в своеобразный гномий аналог фрака, пожаловал на данное мероприятие. С ним под ручку шла уже известная мне девушка, и сегодня ни один, даже самый близорукий человек, не смог бы спутать Лию с малолеткой. Ее глубокое декольте, изящная прическа и подчеркнутая фигура манили взгляд, да и не только его.

– Господин Дарий, госпожа Лия, – поклонился я.

– Да брось ты, – отмахнулся управляющий и, буквально подлетев ко мне, сжал мое предплечье. – Не на работе же, какие могут быть расшаркивания между старыми друзьями?

Ну, раз начальство просит, деваться некуда, обойдемся без этикета. Но все же я позволил себе маленький жест и, наклонившись, поцеловал руку Лии, та хихикнула и спрятала ручку за спиной.

– Не знал, что вы приедете, – искренне удивился я.

– Да мы бы приехали даже быстрее вашей компании, – улыбнулся гном. – Но кто-то сбил меня в коридоре, и пришлось потратить время, чтобы привести себя в порядок.

– Прошу прощения, я спешил.

– Оно и видно, – рассмеялся босс и, заглянув мне за спину, сказал: – Вы, парниша, опустили бы руку. Я не знаю, что здесь стряслось, но с этим молодым человеком лучше не шутить, ведь если я не ошибаюсь, он только что выпил. Великие камни, как вспомню – так вздрогну! Тим, я же говорил, что тебе с алкоголем лучше не шутить.

Я уже в третий раз за вечер развел руками, в этот раз безо всякой подставы, просто я действительно не помнил, что произошло в той гостинице и куда подевались два десятка стражей.

– Он оскорбил меня, – уже спокойным голосом сказал Герман. – Я в своем праве. Если не осадить этого смерда, потом десятки таких же возомнят о себе невесть что.

– Ох, как же вы неправы, – прозвучал еще один знакомый голос.

В нашем и так безмерно разросшемся кружке прибавилось. Обладателем текущего, как талый снег, голоса был высокий статный мужик с седеющими волосами. Его сопровождали строгая леди с забранными в пучок черными волосами и девушка-одуванчик лет пятнадцати.

– Герцог? – приподнял брови я, когда меня осенило и я вспомнил, что это за человек.

– Удивительная память, – улыбнулся знакомый и повернулся в сторону своих дам. – Позволь представить тебе мою жену Беллу и дочь Иду.

– Очень приятно, – ответил я и, поклонившись, приложился к обеим ручкам. Боги, да сегодня прямо аншлаг, а я попал между молотом и наковальней. Ну просто с успехом выполняю первую часть плана, даже перевыполняю.

– А ты, я смотрю, время не теряешь, – усмехнулся герцог, чьего имени, если честно, я не помню. – Заводишь новые полезные знакомства? Похвально, юноша, похвально.

Стоявшие позади друзья молчали, они-то знали эту историю, во всяком случае, они знали все, что знал я. А вот Герман, Элиот и Азалия смотрели на меня с легким удивлением.

– Но уважаемый Дарий прав – с выпивкой тебе лучше не шутить.

– Боги! – не сдержался я. – Если честно, я практически ничего не помню!

Босс и герцог переглянулись и позволили себе улыбнуться.

– Я тебе потом расскажу, – сказал гном и повернулся к открывшемуся входу в длинный коридор. – А сейчас нам следует пройти на свои места.

– Было бы неплохо, если бы все знали их – свои места, – пробурчал Герман и все же развернулся в противоположную сторону.

Когда мы уже почти дошли до дверей, ко мне подошел герцог и сказал:

– Вы мой должник, Тим.

И с этим он удалился вместе со своей семьей.

Мы же всемером пошли неторопливым шагом в сторону лестницы, ведущей на второй этаж, где, как можно догадаться, были логи, в одну из которых нас всех и пригласили. Поднявшись по лестнице, мы очутились в другом коридоре, а вскоре зашли в самую ложу. В целом я не заметил ничего особенного, тот же красный бархат, оркестровая яма, сцена, логи и нижний зал. В той же Мариинке, например, намного красивее. Здесь же все как-то слишком просто, ну, будем надеяться, сама опера не окажется столь же пресной.

И вновь мне пришлось подавать руку Лейл, дабы помочь ей сесть. Всего в ложе было семь небольших креслиц, но одно из них пустовало, а я и не стал спрашивать, для кого оно. Надо будет – сами расскажут. Вскоре к нам в дверь постучались и один из служек принес очки-амулеты, заменявшие театральные бинокли. В ложе снова заструился привычный для благородных диалог, казалось, что недавний конфликт был забыт, но я чувствовал некую негативную энергию, исходящую от Германа. Вообще я стал много тоньше чувствовать то, чего раньше не замечал, и буквально сезон назад мне пришлось признать правоту Добряка. Наставник был прав, когда разделял два потока – энергию мира, используемую магами, и энергию жизни, которую мы использовали для своих техник.

Каждый из этих потоков я ощущал по-разному. Мировая чувствовалась мной как нечто эфемерное, неосоздаемое. Как легкое дуновение ветерка в жаркий летний день, как первый лист, сорвавшийся осенью с еще зеленого дерева. Мировая энергия была чем-то, что пронизывало все, но при этом она старалась «обтечь» меня, и как я понял, это связано с тем, что частично я не являюсь частью этого мира. Получается, что мой резерв мизерен не потому, что я слаб, а потому что мир не принимает меня, он не доверяется мне.

С другой стороны – энергия жизни. Это был ревущий фьорд, пробивающий себе путь через тающие льды, и, размывая их, он усиливался с каждой секундой. Это было яростное пламя, пылающее глубоко в груди, оно согревало, но стоило чуть ослабить заслонку, могло и обжечь. И здесь я тоже дошел до сути. Я смог стать Тенью в столь позднем возрасте не из-за скрытых талантов, а только потому, что в одном теле томится жизненная энергия двух существ. Так что все как я и сказал – мне понадобилось полгода сидения в библиотеке, чтобы докопаться до сути своих возможностей, вот только в магической практике это не помогает мне ни на йоту.

– Что на тебя нашло? – прошептала Лейла, когда разговор стал затухать одновременно с гаснущим светом.

– Понятия не имею, – что-то я сегодня вру и не краснею, – кажется, дает о себе знать моя будущая профессия.

– Не будешь сдерживаться – и никакого будущего не будет.

– Туше.

Тут зал погрузился во мрак и мы замолчали. Нацепив очки, каждый сконцентрировался на сцене. На площадке, обставленной в готическом стиле, появились первые действующие лица, и через мгновение зал заполнила вязкая, как цветочный мед, музыка. На сцене все прибывало, и не только людей: пели и гномы, и эльфы, что самое удивительное – некоторые арии пели и темные и лесные ушастые. Появилось даже несколько орков, своими грубыми голосами буквально взорвавшие мои уши, но народу нравилось. Первый акт идет ровно час, затем четверть часа на антракт, это значит, что у меня будет всего двенадцать минут для выполнения задуманного, ну пока я могу насладиться оперой, ведь все приготовления уже сделаны и письмо дожидается адресата.

Само произведение не отличалось особой оригинальностью, во всяком случае, для меня, человека, который в театрах провел столько времени, что впору было называться ценителем.

Началось все с появления, вы думали кого? Правильно, эльфийской принцессы. Как и положено принцессе, она пела, правда, хорошо если хоть несколько разумных из зала понимали, что она поет, так как из ее уст доносился древний высокий язык, который и я-то с трудом понимал. В целом довольно симпатичная ушастая довольно приятным голосом поведала нам о своей нелегкой жизни.

Ее папа, глава совета хранителей леса, имел неосторожность сосватать дочурку одному из принцев подгорных собратьев. Действие оперы происходило за две тысячи лет до настоящего времени, а тогда такие вот браки были обычным делом. Но вот в чем беда: эльфийка совсем не хотела жить с бесчувственным темным, она хотела радоваться и веселиться, о чем говорила ее ария в зачарованном лесу, где слушателями были живые деревья и сказочная птица феникс. Стоит признаться, магическая опера – это нечто, когда по залу летают иллюзорные птицы, легкие наполняют запах леса, а музыка разбавляется пением этих самых птиц... В общем, я действительно полностью погрузился в представление, и лишь демоническое усилие воли помогло мне продолжить отсчитывать минуты.

Вскоре ария девушки была закончена, мигнул свет, и вот лес сменился городскими трущобами столицы тогда еще процветающей империи. Пел маленький мальчик, впрочем, это не мешало ему шокировать всех чистотой своего тонкого, детского, но довольно мощного голоса. Человеческий паренек пел о том, как несправедлива жизнь; о том, как он хочет увидеть родителей, что оставили его одного; о том, как сложно жить, когда еды нет даже на помойке. Это было действительно трогательно – смотреть на то, как парнишка в оборванных лохмотьях жметя в тени домов и смотрит на богатые колесницы и кареты, бороздившие мощеные проспекты.

Вскоре нам снова представляли принцессу, девушка спорила с отцом, но грозный эльф, поющий густым басом, отказывал ей во всех просьбах. Девушка заплакала и убежала в лес, где продолжила жаловаться на нелегкую жизнь принцессы. И когда девушка забилась в истерику, величественная огненная птица слетела с дерева, накрыла несчастную крыльями, и они обе исчезли в ярком пламени, чем вызвали бурные овации в зале.

Снова смена декораций. Теперь на, казалось бы, маленькой сцене разворачивается настоящая битва людей и орков. Снова мы видим того паренька, который, возмужав, превратился в статного юношу. Он лихо рубит головы клыкастым тварям, одновременно исполняя яростную, ритмичную арию. Парень поет о доблести, о том, что он с друзьями не сдаст ни пяди земли ненасытному врагу. Вскоре битва затихает и парень возвращается, чтобы помочь лекарям забрать раненых с поля боя. Но увы, ему не суждено вернуться домой, вражеская стрела пронзает его грудь, и юноша падает замертво.

И снова мигает свет. Теперь зритель переносится в зал главы Совета, эльф мечется и поет о том, как он зол на врагов, посмеявших выкрасть его дочь, но он во что бы то ни стало вернет драгоценное дитя. В зал входит принц, такой же ушастый, разве что глаза у него не зеленые или голубые, а темно-карие, почти черные. Эльф спел о том, как он любит свою сестру, и о

том, что непременно вернет ее домой. Потом снова резкая смена декораций, и вот этот принц во главе верной дружины скачет на поиски возлюбленной сестры.

Снова глаза режет вспышка, а на сцене поле боя, от вида которого у меня неприятно заняло глубоко в душе. Слишком точно режиссер изобразил поле, залитое кровью, в воздухе витала смерть, армии ушли, а трупы остались. Не верьте тем, кто говорит, что хоронят всех павших. Нет, хоронят лишь тех, кому посчастливилось пасть поближе к лагерю, остальных же оставляют кормить воронов и прочих падальщиков.

И вот на этом алтаре смерти появляется старик, он опирается на даже с виду древний посох, а его лица не видно из-за нависшего капюшона. В полной тишине он бродит по полю, будто ищет кого, и наконец находит нашего главного героя, мертвого парня со стрелой в сердце. Старик наклоняется, делает несколько пассивных руками, и юноша окутывается ядовито-зеленым дымом, который к тому же еще и стелется по всему залу. Удар сердца, и вот парень встает. Но его некогда голубые глаза теперь чернее ночи, волосы стали белыми, как кость мертвеца, а лицо постарело на добрый десяток лет, превратив молодого паренька в умудренного жизнью мужа. Парень боится, он спрашивает у старика, в чем дело и почему его взор застилают бесконечная, беззвездная ночь, но загадочный маг лишь кладет ему руку на плечо, и они оба исчезают в зеленом свечении.

Декорации опять сменились, принц оказывается в лесу, где так любила гулять его сестра, он спускается с лошади и осматривает поляну. Снова песня, восхваляющая его собственное мужество и неземную красоту сестренки. Однако эльф, закончив арию, вонзает в землю меч и клянется, что найдет и смертью покарает похитителей.

И опять нас переносит куда-то в другое место. Лицо обдувает сильный ветер, уши закладывает грохот. Сцена сменилась пиком горы, столь высокой, что купол неба вместо синего стал черным, а где-то далеко внизу нет зеленого ковра, вместо него лишь бесконечная белая долина, созданная облаками. Эльфийская принцесса жметесь в пещере и плачет, вскоре прилетает феникс и поет ей о том, что, являясь хранителем жизни, он не потерпит такие оскорбления от наглой принцессы. Он поет о том, что грех жаловаться на жизнь, когда кроме счастья ничего в ней не видел, и пусть эта пещера станет и тюрьмой и наказанием за оскорбление. Феникс исчезает, оставляя после себя серебряный поднос с едой. Принцесса продолжает рыдать, она поет о том, что нет счастья без любви, и лишь в ней она видит счастье. Лично меня этот эпизод несколько не тронул, а вот по щекам Лейлы заструились тонкие мокрые ниточки.

Пропадает гора, и зритель оказывается в каком-то замке, в комнате, где просыпается юноша, неожиданно ставший мужем. Он орет и кричит от страха, а потом поет о том, как мир окутала ночь. Нет света в ней, лишь тьма и мрак, давящий, как камень на пловца, но мрак не пуст в своей черноте, в нем блуждают тени, больше похожие на адских гончих, готовых разорвать любого. В комнату входит старик, он откидывает капюшон, и зритель видит сюрреалистично старое лицо. Морщинистая кожа, покрытая коричневыми пятнами, надбровные дуги, до невозможности натянувшие седые брови, и бесконечно древние глаза.

Старик рассказывает слепцу о том, что его родители были благородными людьми, которых вероломно предали и убили, его же удалось спасти, и теперь его целью должна стать месть. Главный герой не верит, и тогда старик показывает ему прошлое. Зритель видит богатый зал и двух человек, прекраснейшую женщину и гордого мужчину. Они поют арию любви к своему ребенку, что крепко спит в колыбельной. Но вдруг все меняется, зал затягивает кровавая дымка, разбиваются витражи, мужчина выхватывает меч, но все слишком плохо – перед ним стоят четверо, закутанные в черные плащи и держащие по два кинжала в каждой руке. Он приказывает бежать, и женщина, схватив ребенка, мчится прочь, петляя в бесконечных коридорах. Она плачет и поет скорбную арию. Затихает звук битвы, мать, схватив корзину для фруктов, кладет туда дитя и спускает его в канализацию, сама же через мгновение падает с пронзенным сердцем.

Снова замок и парень, из его слепых глаз струятся слезы, он горит жадой мщения, но скорбит о том, что теперь бесполезен. И тогда ноту берет старик, он обещает научить парня секретам мира, показать ему то, что не видят обычные разумные, открыть дверь туда, где нет ничего, кроме всего и прочее и прочее. Его ария свелась к бессмысленному перечислению хитро завернутых эпитетов. Я же, отсчитав про себя пятьдесят девятую минуту, ушел в скрыт.

Поднявшись, я подошел к двери и, когда старик взял нижний тон, резко открыл дверь и нырнул в коридор. Здесь было пустынно и одиноко, впрочем, как раз это мне и нужно. Скрываясь в тенях, и я заскользил к лестнице, ведущей на третий этаж, именно там были уборные, где меня уже должен ждать один человек. Почему я уверен, что он будет там? Просто потому, что благородные весьма щепетильно относятся к традициям, и стоит передать самоуверенному ублюдку нужное письмо, как он стремглав понесется в нужном направлении.

Лестница осталась позади, и я приоткрыл дверь туалета. Там уже стоял кривоносый парень лет двадцати. Обернувшись на скрип, он улыбнулся и буквально пропел:

– Леди, это вы?

– Смерть тоже леди, – согласился я и резким движением вогнал ему между лопаток иглу, смазанную специальной смесью. Глаза парня закатились, и он бы так и рухнул на белый мрамор, но я, подхватив его, бережно отнес в кабинку, он мне пока еще нужен, а у меня осталось лишь одиннадцать минут. Подперев дверь уборной подготовленным брусом, я вернулся в кабинку и вколол вторую иглу.

Парень очнулся, его глаза бешено крутились, и было видно, как он силился пошевелить хотя бы пальцем, но не мог.

– Кто ты? – спросил он. Речь давалась ему с трудом, но я все верно рассчитал, смертника парализовало лишь ниже шеи.

– Мы еще доберемся до этого вопроса, – сказал я и достал две ампулы. Поставив их на пол, я выудил из кармана деревяшку и сжал ее в кулаке. – Объясняю популярно и один раз: сейчас, в качестве демонстрации, тебе будет очень больно, хотя слово «очень» не совсем подходит для описания данного процесса, но тебе и этого хватит. После некоторого времени боль пройдет, вернее ее уберу я. Зачем уберу? Просто мне нужно задать тебе один вопрос. Ответишь сразу и правдиво – умрешь быстро, будешь артачиться – и наша вечеринка продлится до рассвета.

– Стой, погоди, я и так все скажу, все, что знаю, только отпусти! – Парень причитал и дальше, но я его уже не слышал, меня целиком поглотили приготовления. – Погоди, я тебя знаю, – я замер с ампулами в руках, – мы же учимся на одном курсе.

Я вздохнул и потер глаза.

– И это тоже.

Зажав ублюдку нос, я открыл его рот и влил туда часть содержимого желтой ампулы. Парню пришлось сглотнуть, а через мгновение раздалось мычание. Вложив ему между зубами деревяшку, я прикрыл его рот, сдерживая крики. Боль была действительно невероятной, все же этот эликсир (конечно же, в разбавленном виде) я опробовал на себе любимом. И надо признать, то маленькое приключение на чердаке в Мальгроме – просто веточки по сравнению с этим коктейлем из чистой агонии. И учитывая, что я принял дозу один к пяти, парню же достался концентрат. Его крутило, он бешено вертел головой, пытаясь вырваться, он я крепко держал, его глаза уже почти вылезли из орбит, а моя ладонь, придерживающая своеобразный кляп, покрылась пеной.

– Может, хватит? – поинтересовался бес. – А то он потом говорить не сможет.

– Нет, – возразил воинственно настроенный ангел. – Надо еще подержать.

– Да чего держать-то, – взвился красный. – Он ща коньки отбросит, и финита ля комедия. Вместо трех звезд на борту получим одну, да и то убогую.

– Пусть Тим сам решает, – отмахнулся крылатый. – Но я бы на его месте еще с минутку подержал.

Не обращая внимания на болтовню глюков, я отсчитал пятнадцать секунд и влил вторую ампулу, бледно-серого цвета. Дерганья превратились, а обливающийся потом парень пришел в себя.

– Я сейчас палку уберу, – сказал я. – Если закричишь, аттракцион продолжится. Если понял, моргни два раза.

Смертник моргнул с трудом, а я убрал палку. Криков не последовало.

– Вот и молодец, – похлопал я по щекам парнишку.

– Чего... ты... хочешь? – Слова звучали обрывисто, язык плохо ворочался в измученной глотке.

– Напряги память, дорогуша. Шесть с половиной лет назад ты со своими друзьями развлекался в замке Гайнесов. Вспомни девушку, которую вы разложили вчетвером.

Я дал время, не очень много, а потом надавил на горло.

– Процесс пошел?

– Я... вспомнил тебя... – горько улыбнулся парень. – Ты тот малой. Ирония... Чего ты хочешь?

– Много чего, – пожал я плечами. – Но в данный момент мне нужны имена тех двоих, что составили вам компанию.

– Хорошо... – Горькая улыбка сменилась на злорадную. – Я... скажу, знаю только одного... второй... был... инкогнито.

– Ну, я жду.

– Салиас ним Тайс, студент четвертого курса боевого факультета, – через силу выпалил парень. – Приятно... тебе... сдохнуть. Хрен... заваляшь его. Смерд... или тебе... завидно... что это мы девку оприходовали... самому хотелось?

– Как грубо, – улыбнулся я и достал сиреневую ампулу.

– Ты... обещал! – Парень попытался закричать, но я сжал его глотку и вылил весь флакон.

Парень задержался, его тело извивалось, кажется, боль была настолько сильной, что игнорировала даже паралитический яд. Убрав палку, я вздохнул и сел рядом. Мертвая тишина разбавлялась мерным постукиванием. Парализатор достиг нужной отметки и лишил насильника голоса. Сиреневый флакон – это мое последнее изобретение. Пожалуй, желтый проигрывает ему раза в три, но при этом если выпить весь желтый, то можно и подохнуть от болевого шока. А вот сиреневый отпустит тебя, лишь когда адреналин разорвет сердце, а это произойдет разве что через полчаса. М-да, если это продать в тайную канцелярию, то все палачи работы лишатся.

– Наши планы? – поинтересовался ангел, когда я подошел к умывальнику, чтобы вымыть руки и ополоснуть лицо. За спиной в запертой кабинке все еще извивался умирающий насильник. Только сейчас звуки достигли моих ушей: за дверью звучал топот и глухие, далекие голоса. Вскоре все это снова заглушил стук крови в висках. – Снова посылать письмо от некоей озабоченной леди? Это только с этим гулякой прошло. Черт, меня просто заело проводить все выходные, следя за его похождениями, да мы, наверно, каждый бордель посетили! Что делать-то будем?

– Не поминай меня всеу, – хихикнул рогатый. – Че делать, че делать? Грузить апельсины бочками. Хрен мы доберемся до этого пятикурсника, а если доберемся, то нас потом можно будет в совке из здания выносить. Это же маг, а не долбаный недоучка, у которого мозг ниже пряжки сместился.

– Может, обычный несчастный случай организуем?

– Да фиг там. Боевики вне академии постоянно с активными щитами ходят, а внутри учебки добренький наставник, который не простит такого выверта.

– Тогда подучимся, а потом найдем.

– Ни фиги ты умный. А этот Фрай, значит-ца, пока мы тут обучаемся, не мутирует в какого-нибудь профи, который так и так нас раскатает? – Бес, кажется, уже из себя вышел. – Совсем уже почитатель ряс не варит. Ты бы не забывал, что у нас еще и третий на примете, а мы – ни имени, ни внешности. Спасибо заклинанию Норман вкупе с твердым полом, теперь не память, а решето сплошное. Хорошо хоть, что в основном все помним.

– Я хоть что-то предлагаю!

Перепалка глюков все продолжалась, а я, войдя в скрыт, убрал брус и вышел в коридор. Народу уже не было – антракт заканчивался, и у меня оставалось всего три минуты. Сбежав вниз по лестнице, я отыскал нужную дверь, дождался, пока на зал спустится мрак, и подсел к Лейле, одновременно сбрасывая полог. Девушка обернулась и уставилась на меня. Хорошо хоть, в темноте не видно, как сильно я побледнел и как трясутся мои руки. Все же я ошибался, когда полагал, что убийство на войне и убийство на гражданке – это одно и то же. Ни фиги подобного, атавизмы совести меня не мучают, но адреналин прямо фонтанирует, я, даже используя энергию жизни, не могу замедлить сердце, против основ природы не попрешь.

– Ты где был? – прошипела красавица. – Мы тебя обыскали уже.

– Тебе все в красках описать? – ответил я вопросом на вопрос. – На третьем этаже я был.

– Мы и там искали, ты не отзывался.

– Демоны, Лейла. Мне воспитание не позволило откликнуться в такой пикантной ситуации.

– Ах! Так тебя еще и воспитывали?

Мы могли еще долго пререкаться, но на нас одновременно шикнули все остальные посетители ложи. Пришлось заткнуться и наслаждаться второй частью.

Глава 6. Непонятная

Второй акт оперы начался с представления зрителю тогдашнего императора. Им оказался какой-то великан-полукровка, ну, это я так его себе представил. Просто не может же быть нормальный человек ростом под два с половиной метра. Владыка спел какую-то непонятную арию, где он одновременно восхвалял себя, страну, семью и снова себя. Было видно, что именно этот эпизод в постановке появился лишь благодаря особому госзаказу, ну а сценарист и режиссер решили добавить в него немного иронии и сарказма, впрочем, после конца арии аплодисменты звучали и с императорской ложи. Все же хорошо, когда правитель не лишен чувства юмора.

Уже привычное мигание – и перед нами предстает огромная гора, оставившая Эверест и К-2 далеко у подножия. Девушка в пещере мало чем напоминает ту пышущую красотой принцессу. Ее некогда ухоженные волосы сплелись в тугие комки, под ногтями черные полосы грязи, а кожа черна от земли. Но при всем этом в пленнице сохранились некие присущие лишь высоким аристократам черты. Правда, общую картину портили бесконечные слезы, крупными каплями падающие из почти безумных глаз бывшей леди. Ария была также посвящена самобичеванию и несчастной жизни. Лично мне уже все это начинало надоедать, а вот мои «соложники», кажется, испытывали настоящее эстетическое наслаждение.

Вскоре в пещере снова взвился яркий столб пламени, заставивший эльфийку вжаться в стену. Появившийся феникс окинул взглядом камеру и заточенную в ней девушку. Минута тишины – и хранитель жизни предлагает принцессе сделку. Он освободит ее только в том случае, если несчастная примет на себя страшное проклятье, что обратит ее в мерзкую уродину. Девушка плачет, она буквально бьется в безумной истерике и наконец спрашивает, будет ли ей дозволено когда-нибудь снять сие проклятье. Я уж было начал пускать пузыри, думая, что услышу очередные «поцелуй истинной любви» или просто «любовь спасет мир». Но сценарист удивил: феникс расправил крылья и сказал, что проклятье уйдет лишь вместе с жизнью. В итоге, поломавшись, девушка согласилась. И тут же ее охватило пламя.

Лицо девушки менялось, приобретая вместо правильных, тонких линий бесконечные бугры и фурункулы. Изящный, чуть вздернутый носик обратился бородавочным приплюснутым чудовищем. Изумрудные волосы стали черным, как вороное крыло, безумием. Пожалуй, эта прическа могла поспорить даже с моим «взрывом на макаронной фабрике». Изменения так же затронули и тело. Кожа покрылась струпьями, кривые пальцы венчали желтые сломанные ногти, а платье превратилось в изодранные обноски. Когда метаморфоза закончилась, зрители ахнули, узрев апогей уродства. Девушка тут же схватила серебряный поднос, заглянула в него и, вскрикнув, упала без сознания. Зрители ахнули во второй раз: некогда чистый голос превратился в хриплый, как несмазанная дверная петля. Феникс укрыл девушку крыльями, и она оба исчезли в пламени.

Действие перенесло нас в лес. Слепой мужчина сидел на большом камне около кристально чистого озера. В зале повисла тишина, нарушаемая лишь шумом волн и шелестом крон. На миг я закрыл глаза, уносясь в далекое прошлое, когда в свободные от занятий с Добряком дни я имел счастье точно так же бездельничать на любимом холме.

Но момент покоя продлился недолго, мужчина взял в руки резной посох и, опираясь на него, пошел вглубь леса.

Вдруг зал окутал мрак. Но это была не та тьма, что приходит с закатом или с опущенными веками. Это был мрак самой бездны, жадный до заблудшей души и слабого разума. На границе восприятия маячили серые тени: извиваясь подобно дыму в ветреную погоду, они представляли в образе охотников. Зазвучала далекая музыка, а я ощутил, как мою руку сжимает похолодевшая ладошка Лейлы.

Главный герой пел арию скорби, он скорбел о своих родителях, друзьях, что считают его мертвым, и скорбел о том, что больше никогда не сможет увидеть звезды, бриллиантами рассыпанные на бархате ночного неба. Что его глаза не заслезятся от кроваво-красного рассвета, разгоняющего слабеющую тьму, что луна больше не проложит ему путь через спящий лес. И вместе с ним скорбел и зритель. Когда тебе описывают слепоту – это одно, но когда ты слепнешь сам... боги свидетели, я не убирал руку с гарды кинжала.

И внезапно эта обитель мрака и отчаяния вспыхнула, расцветая всеми цветами радуги. Исчезли тени, а тьма отступила, скорбно сжавшись пред теплым, но в то же время бесцветным сиянием. Скорбная ария сменилась восторженной песней. Главный герой не верил в происходящее. Он вопрошал, что же произошло, почему к нему вернулись краски. Но ответа все нет.

И тогда зритель увидел полную картину. Слепец рыскал по поляне, а в кустах за его спиной пряталась тень, роняющая на траву крупные слезы. Когда фигура героя окончательно скрылась в лесной чаще, тень взметнулась и помчалась в противоположную сторону.

Вот с этого момента сюжет стал постепенно захватывать меня, но, увы, досмотреть произведение не получилось. Зал осветили тысячи огней, а магически усиленный голос попросил всех оставаться на своих местах. Удивительно, но паники не было, вместо нее появился нарастающий как снежный ком гул недовольных голосов. И тогда, минут через пять, когда страсти уже почти кипели, голос объявил, что на третьем этаже обнаружен труп, и пока не эвакуируют императорскую семью, всем стоит сохранять спокойствие. Недовольных сразу поубавилось.

– На третьем этаже? – прищурилась Гийом и с выжиданием уставилась на меня.

– Ты меня подловила, – улыбнулся я. – Представляешь, бегу я стремглав в поисках первой нужной комнаты, а там, понимаешь ли, уже есть посетитель. Пришлось прирезать несчастного, дабы, простите за мой эльфийский, не обосраться.

Азалия, услышав такой оборот, побледнела и отвернулась. Элиот с гвардейцем скривились, будто говоря – что еще от этого смерда ожидать. Дирг сохранял ледяное спокойствие, но уголки его губ предательски подрагивали, выдавая рыжего с головой. Казалось, еще мгновение, и момент будет испорчен безудержным гоготом с его стороны. Норма же, вопреки всем ожиданиям, прикрыла рот ладошкой и отвернулась в другую сторону.

– Мне кажется, ты что-то говорил о воспитании, – прошипела Лейла.

– А ты правильно сделала, что усомнилась в его наличии, – парировал я и кивнул на прелестную ручку, все еще сжимающую мою ладонь. – Впрочем, если ты продолжишь меня тискать, может, я чему и научусь.

Гийом гневно сверкнула своими бездонными очами и резко отвернулась, демонстрируя вовсе не шуточную обиду. Что ж, придется замаливать свои грехи воровством из столовой, кажется, в прошлый раз я отделался всего десятью сдобными булочками, принесенными в жертву на алтарь нашей несравненной богини.

– Презренный червь, – покраснел Герман, неправильно истолковав жест Рейлы.

Не знаю, что он там пытался доказать вставанием с кресла и вытягиванием клинка из ножен, но в нашу ложу, вежливо постучавшись, вошел гвардеец в сопровождении странного человека в черном кожаном костюме с серебряными клепками. Если бы не местные реалии, я бы без сомнения опознал в этом человеке просто рокера, но сейчас что-то заставило меня замедлить ритм сердца и намотать нервы на кулак.

– Прошу прощения, благородные господа, – поклонился гвардеец. – Следуя инструкции, я вынужден попросить вас задержаться. Дабы господин дознаватель смог задать пару вопросов.

Вот теперь побледнели все, ну кроме меня, так как я по несчастью и слухом не слыхивал про дознавателей. Молодой парень лет двадцати трех панибратски уселся на кресло и, скрестив ноги, обвел нас строгим взглядом. Его кожаная куртка распахнулась, явив аудитории несколько амулетов и ручку арбалета-пистолета, весьма дорогого оружия, между прочим.

– Были ли среди присутствующих те, кто во время антракта посещали третий этаж? – абсолютно бесстрастным, каким-то мертвым голосом спросил он.

Из семи кивнуло четверо. Я в принципе не сомневался, что искали меня только друзья. Про естественную нужду последних я почему-то не подумал.

– Хорошо. – Дознаватель повернулся к гвардейцу и указал на троицу. – Этих отпускай. Страж вытянулся по струнке, стукнул себя кулаком по груди и открыл дверь.

– Прошу, господа, – поклонился он.

Азалия, гордо вздернув подбородок, прошествовала к выходу, за ней, не оборачиваясь, поспешил и Элиот. И лишь один Герман задержался, чтобы с некоторым извинением посмотреть на Дирга, но тот сделал неопределенный жест рукой, и последний из троицы покинул ложу. Видимо, что-то благородное в этом коннике все же было и зря я спустил на него всех собак.

– Тогда по порядку, – сказал дознаватель. Он поднялся с кресла и повернулся к рыжему. – С какой целью вы посещали третий этаж?

Дирг не стал артачиться и ответил мгновенно.

– Искал друга.

Дознаватель некоторое время посверлил его глазами, но все же кивнув, подошел к Норман.

– С какой целью вы посещали третий этаж? – снова спросил он.

– Посещала уборную и искала друга.

И вновь любитель кожи пробуравил отвечающего взглядом, а потом отвернулся к следующему.

– С какой целью вы посещали третий этаж? – Интересно, а служивые всех миров не отличаются особой творческой ноткой или это у них столь строгие требования к соблюдению инструкций?

– Посещала уборную и искала друга. – Кажется, Лейла добавила в голос долю яда и сарказма. Еще бы, ей небось претит, что ее, одну из высочайших особ страны, допрашивает какой-то дознаватель. Впрочем, я явственно ощущал волны страха, идущие от нее.

В этот раз парень замер на много большее время, но вскоре повернулся ко мне.

– С какой целью вы посещали третий этаж? – И когда отзвенел последний слог, я краем сознания ощутил, как меня опутывают какие-то нити энергии. Они скользили по моей ауре, а потом замерли, будто присосавшись, как липучки.

«Все ясно, – подумал я и взглянул на амулет, выполненный в виде головы филина. – Вот тебе и аналог детектора лжи».

– Назовитесь, – ответил я, чем заставил всех присутствующих повернуться в мою сторону.

– Не понял, – даже сам вопрошающий уставился на меня с некоторым непониманием.

Я же, надеясь на родство всех служивых всех миров, продолжил этот спектакль. Мне нужно было время, чтобы привести организм в норму и не дать амулету засечь ложь, разбавленную полуправдой.

– Согласно инструкции вы должны сначала представиться и показать удостоверение, а уже потом начинать допрос. – Эх, во мне погибает профессиональный игрок в покер. В момент абсолютного блефа я сохранял полное внешнее спокойствие.

Дознаватель, надо отдать ему должное, быстро справился с эмоциями и вытащил из внутреннего кармана куртки золотой медальон на длинной цепочке.

– Абель Рихт, старший офицер Особого отдела, – со змеиной улыбкой на лице ответил он.

Кажется, я зря спросил, потому как мои друзья после данного заверения все как один собирались дружно повалиться в обморок. Хотя Дирг вроде еще подавал признаки жизни.

– Ройс, – сказал я и протянул руку. – Тим Ройс.

И снова я смог вывести служивого из равновесия, но все же последний ответил на жест.

– Продолжим? – спросил я.

– С какой целью вы посещали третий этаж? – в который раз повторил офицер.

Впрочем, все его попытки были обречены на провал. Этого времени мне хватило, чтобы настроить организм, вернее ритм сердца и степень выброса адреналина, на нужную волну. Теперь мое состояние можно было назвать «легкое волнение» и не более.

– Посещал уборную, – пожал я плечами.

Дознаватель задумался, он не спускал с меня пристального взгляда, а я продолжал отвечать ему тем же. И когда мне показалось, что победа на стороне Теней, парень вытащил из рукава туз. Он схватился за другой амулет – с виду обычная руническая загогулина. Но тут же мой мозг будто тысячи игл пронзило. Не справившись с болью, я рухнул с кресла.

– Что вы делаете? – вскричала герцогиня.

– Что. Вы. Делали. В. Уборной? – делая паузы после каждого слова, спросил парень.

Я было хотел ответить что-то нецензурное, но казалось, что язык перестал мне подчиняться. Он так и рвался выкрикнуть «Это я убийца». На какое-то мгновение мне показалось, что это станет концом пути, но я все же справился и выплюнул:

– Встречался со знакомым. – Голос обернулся хрипом.

– Был ли этот знакомый жив на момент встречи?

– Да.

– Был ли он мертв по окончании?

Спасибо тебе, убудок, научись задавать правильные вопросы. Кое-как справляясь с болью, я ответил:

– Нет.

Тогда дознаватель сильнее сжал амулет, и боль увеличилась стократно. Уже не имея возможности сдерживаться, я взвыл, как раненый волк.

– Остановитесь немедленно! – вскочила Норман.

– Сядьте на место, – все так же бесстрастно молвил офицер. – Не мешайте проведению процедуры.

– Все в порядке, – прокричал я.

Видимо, зря, боли снова прибавилось. Кажется, она достигла степени чердака Маль-грома.

– С какой целью вы встречались со знакомым?

– Хотел... убить... – помимо моей воли вырвались роковые слова.

Девушки ахнули, Дирг побледнел и почему-то потянулся рукой к голенищу. Гвардеец сильнее сжал клинок и преградил соседу дорогу, а дознаватель лишь плотоядно улыбнулся.

– Был ли ваш знакомый одним лицом с найденным трупом?

– Н-нет, – ответил я. И действительно, на момент смерти его «лицо», наверно, искорежило до неузнаваемости, а в адской агонии смертник небось содрал половину кожи и мышц. Так что «лицо» не было одним.

– Почему вы хотели убить того человека? – продолжался допрос.

– Старые счеты. – А вот теперь была чистая правда.

Дознаватель молчал, что-то обдумывая, наконец он пришел к какому-то выводу. На миг голову буквально разорвало о боли, а потом все закончилось. Утерев пот, я встал с пола и, одернув фрак, закинул волосы назад.

– Удовлетворены? – кривясь, спросил я.

– У вас дурная кровь, Тим Ройс, – задумчиво произнес Абель. – Лучше нам больше не встречаться.

– Ваша правда, – кивнул я. Темные боги знают, каких усилий мне стоило не рухнуть мешком на пол и не улететь в страну Морфея. – Она станет последней.

Гвардеец шагнул мне навстречу, но Рихт остановил его.

– За такие угрозы я имею полное право забрать вас в управу. Но так будет даже интересней. И все же я надеюсь, что на этом мы с вами «прощаемся», не говоря «до свидания».

Старший офицер Особого отдела поклонился дамам и вышел вон, за ним ложу покинул и гвардеец, сообщив, что мы имеем полное право покинуть здание. Будучи не в силах держаться на ногах, я рухнул в кресло.

– И что это было? – спросил Дирг.

Вот что называется друзья, ведь они имели полное право покинуть меня, обвинив во лжи или еще чем-нибудь, но они остались рядом и даже смотрят без затаенного подозрения.

– Один из скелетов в шкафу, – с трудом выговорил я. Сознание уже потихоньку начало собирать чемоданы и готовиться к внеплановой командировке.

– Это и так понятно, – встряла Лейла. – Ты зачем так с дознавателем разговаривал? Жить надоело?

Зачем, зачем. Да затем, что было бы по-другому, и я бы действительно отправился в эту самую управу, а так отделался легким испугом.

– Чертильщик, – развел я руками, хотя вернее будет сказать, смешно подергал онемевшими конечностями.

– Ну да, – передразнила Лиза. – И как мы могли забыть, что вашей братии даже споры с инквизицией кажутся легкой беседой за чашечкой чая.

– А они-то тут при чем? – спросил я, откровенно не понимая, к чему был помянут этот атавизм истории.

– Ты что, не слышал? – неподдельно удивился рыжий. – Четыре года назад была восстановлена структура карателей. Они, конечно, претерпели множественные изменения, да такие, что их теперь и инквизицией в прямом смысле этого слова и не назовешь. Но суть-то та же – Особый отдел стал потомком «красных плащей».

– Что-то я отстал от жизни, – попытался улыбнуться я, но это вышло довольно уныло. – Ладно, это все лирика, а суть в том, что вам придется тащить меня домой на своем горбу. Так что адьос, амигос.

Уплывающее сознание ухватило бурчание Дирга на тему, что он всю жизнь мечтал подработать извозчиком у простолюдина, но вскоре меня окутал мрак, сравнимый лишь со слепотой несчастного главного героя так и не досмотренной оперы.

Когда твоя жизнь непостоянна, как флюгер в ветреную погоду, иногда так хочется зацепиться за островок стабильности. Для меня таким островком стала больничная койка в лекарском корпусе. Что бы ни происходило со мной за эти полгода, сколь много бы взрывов я ни устроил в попытках нормально активировать печать или как много бы переломов ни получил, совершенствуя собственную технику, эти бесстрастные бежевые стены принимали меня с одинаковым спокойствием. Им было все равно, кто я, откуда и куда иду, главное для них – мое нынешнее состояние, и в этом я находил огромный плюс. Так много разумных, стремясь узнать о ближнем чуточку больше, расспрашивают про прошлое, интересуются планами на будущее. Они смотрят на твой титул или количество золота за пазухой, на клинок в ножнах или на вечернее платье. Они готовы залезть к тебе в голову и взвесить интеллект. Разумные разбередят душу, отыскивая там важные для них качества. И редко когда ты сможешь найти существо, которому не будет дела до этих эфемерных понятий – прошлое, будущее, положение или деньги, предки или власть; найти того, кто пожмет плечами и нальет тебе еще стопку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.